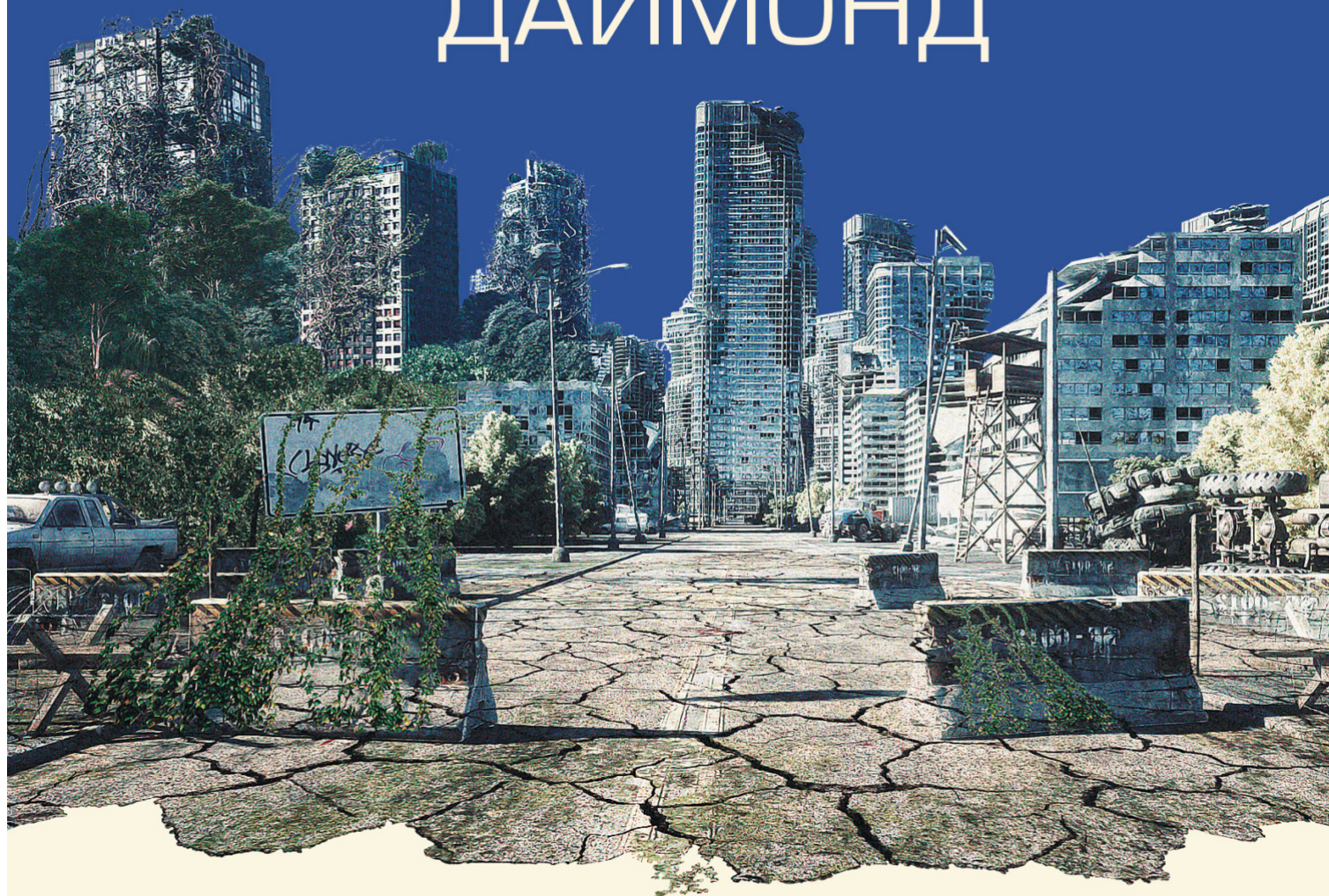

ДЖАРЕД ДАЙМОНД

КРИЗИС

**КАКОВ МЕХАНИЗМ
ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА?**

Цивилизация и цивилизации

Джаред Даймонд

Кризис

«Издательство АСТ»

2019

УДК 323
ББК 66.3

Даймонд Д. М.

Кризис / Д. М. Даймонд — «Издательство АСТ»,
2019 — (Цивилизация и цивилизации)

ISBN 978-5-17-116636-6

Что такое кризис? Почему одни страны успешно преодолевают его последствия, а другие нет? И каков механизм преодоления? Как шесть стран – Япония, Финляндия, Чили, Индонезия, Германия и Австралия – оказались в кризисном положении и как они нашли из него выход? Кризисы были и будут всегда... Какая страна следующая? Вновь Япония? Или США? А может быть, весь мир? В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 323

ББК 66.3

ISBN 978-5-17-116636-6

© Даймонд Д. М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог. Наследие «Коконат-гроув»	6
Часть первая. Индивиды	19
Глава 1. Индивидуальные кризисы	19
1. Признание того, что человек находится в кризисе	25
2. Принятие личной ответственности	26
3. «Возведение забора»	26
4. Помощь других	26
5. Другие люди как образцы	27
6. Сила эго	27
7. Честная самооценка	27
8. Опыт предыдущих кризисов	28
9. Терпение	29
10. Гибкость	29
11. Основные ценности	29
12. Свобода от ограничений	30
Часть вторая. Государства: кризисы в пространстве и времени	35
Глава 2. Война Финляндии с Советским Союзом	36
Глава 3. Происхождение современной Японии	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джаред Даймонд Кризис

Jared Diamond
UPHEAVAL

© Jared Diamond, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

*Посвящаю эту книгу памяти моих родителей Луиса и Флоры
Даймонд, а также будущему моей жены Мари Коэн и моих сыновей
Макса и Джошуа Даймондов*

Пролог. Наследие «Коконат-гроув»

Две истории. – Что такое кризис? – Личные и государственные кризисы. – О чем эта книга и о чем в ней не говорится. – План изложения

Минимум однажды, а обычно несколько раз на протяжении жизни большинство людей переживает персональное испытание или кризис, с которым удастся (или не удастся) успешно справиться, тем или иным образом изменив себя. Точно так же государства переживают общенациональные кризисы, которые завершаются различными – позитивными или негативными – исходами и подразумевают общенациональные изменения. Существует огромный массив исследовательской и неофициальной (досужей, если угодно) информации от настоящих и мнимых специалистов по преодолению персональных кризисов. Могут ли эти сведения подсказать нам, как справляться с кризисами на государственном уровне?

Чтобы проиллюстрировать свое понимание личных и общенациональных кризисов, я начну эту книгу с двух историй из своей собственной жизни. Говорят, что самые первые воспоминания усваиваются ребенком приблизительно в четырехлетнем возрасте, хотя дети также могут порой смутно помнить и о более ранних событиях. В моем случае все именно так, поскольку мое наиболее раннее воспоминание связано с пожаром в бостонском клубе «Коконат-гроув», который произошел сразу после моего пятого дня рождения. Хотя (к счастью) сам я при пожаре не присутствовал, мне довелось узнать обо всем из вторых рук – через страшные рассказы моего отца-врача.

Двадцать восьмого ноября 1942 года пожар вспыхнул и быстро распространился в переполненном ночном клубе Бостона под названием «Коконат-гроув» (по настоянию владельца на вывеске было написано «Cocoanut»¹), единственный выход из которого оказался заблокированным. Погибло в общей сложности 492 человека, сотни пострадали от увечий, удушья, дыма и ожогов (см. источник 0.1). Врачи в бостонских больницах трудились не покладая рук – им приходилось не только заботиться о раненых и умирающих жертвах пожара, но и оказывать психологическую помощь родственникам жертв, обезумевшим от осознания того, что мужа, жены, дети, братья или сестры погибли жутким образом, а еще опекать выживших в огне, которых изводило чувство вины: ведь они уцелели, а сотни других людей погибли. До 20 часов 15 минут того дня их жизнь была совершенно обычной, они помышляли разве что о праздновании Дня благодарения, скорых выходных, футболе и увольнительных (время было военное, просто так часть не покинешь). К 23:00 большинство жертв скончалось, жизнь их родственников и уцелевших очутилась, так сказать, в кризисе. Их ожидаемые и предполагаемые жизненные пути были опровергнуты реальностью. Они испытывали стыд оттого, что остались живы, а дорогие им люди умерли. Родственники потеряли в этом пожаре тех, кто являлся важным звеном их личной вселенной. Не только для выживших в огне, но и для тех бостонцев, кого пожар не затронул непосредственно (включая пятилетнего меня), это событие стало потрясением основ и разрушило нашу веру в справедливость мира. Пострадавшие вовсе не были дурными или злыми людьми: нет, это были обычные люди, которые погибли вовсе не по собственной вине.

Некоторые из выживших и родственников жертв так и не сумели преодолеть последствия пожара. Несколько человек покончили с собой. Но большинство, после весьма болезненных первых недель, на протяжении которых их разум не желал мириться с потерей, стало постепенно осваиваться со скорбью, переоценивать свою жизнь, восстанавливать прерванное течение последней – и понимать, что далеко не все в привычном мире уничтожено. Многие из тех,

---

¹ Прав. «Cocoanut» (кокос – *англ.*). Но владелец, видимо, хотел подчеркнуть, что назвал свое заведение не в честь кокосовой рощи, а в честь деревьев какао (сосоа). – *Здесь и далее примеч. пер.*

кто лишился супруга или супруги, позднее заключили повторный брак. Впрочем, даже при лучшем раскладе они и десятилетия спустя продолжали помнить о пожаре в ночном клубе, а в мозаике новых идентичностей постоянно проявлялись старые личности, существовавшие до пожара. На протяжении всей книги нам часто будет выпадать возможность применить этот образ мозаики к отдельным людям, народам и государствам, в которых наблюдается сосуществование разнородных элементов.

Пожар в клубе «Коконат-гроув» представляет собой экстремальный пример личного кризиса. Однако экстремален он только в том отношении, что страшное испытание постигло большое количество жертв одновременно – на самом деле жертв было столько, что пожар заодно спровоцировал кризис в психотерапии, потребовавший использования новых методов взаимодействия с пострадавшими (подробнее см. в главе 1). Многим из нас доводится сталкиваться с личными трагедиями напрямую или опосредованно, через опыт родственников или друзей. Но трагедии, которые затрагивают лишь одну жертву, для самой жертвы и для ее окружения столь же мучительны, как пожар в «Коконат-гроув» для окружения 492 жертв.

Теперь для сравнения приведу пример общенационального кризиса. В конце 1950-х и начале 1960-х годов я жил в Великобритании, и страна переживала «ползучий» общенациональный кризис, пускай ни я сам, ни мои британские друзья тогда этого толком не осознавали. Великобритания являлась мировым лидером в науке, обладала богатейшей культурной историей и по праву гордилась своей уникальностью, а также непрестанно вспоминала, что недавно у нее были крупнейший в мире военный флот, неоспоримое богатство и самая обширная империя в человеческой истории. К сожалению, к 1950-м годам страна уже кровоточила, так сказать, экономически, мало-помалу теряла свою империю и могущество, утрачивала прежнюю роль в Европе и вынуждена была разрешать давние классовые противоречия и справляться с волнами иммиграции. Ситуация резко обострилась в промежутке между 1956-м и 1961 годом, когда Великобритания утилизировала все свои оставшиеся линкоры, столкнулась с первыми беспорядками на расовой почве, когда ей пришлось по необходимости предоставлять независимость бывшим африканским колониям и когда все увидели, что Суэцкий кризис² обнажил ее унижительную неспособность действовать самостоятельно в качестве великой державы. Мои британские друзья изо всех сил пытались осознать происходящие перемены и объяснить их смысл американскому гостю, то есть мне. Эти события стимулировали споры среди британских политиков и британской общественности о британской идентичности и роли страны в мире.

Сегодня, шестьдесят лет спустя, Великобритания представляет собой мозаику нового и старого. Она лишилась своей империи, стала мультиэтническим обществом, превратилась в государство всеобщего благосостояния, где безусловно качественное правительство проводит политику постепенной ликвидации классовых различий через совместное обучение детей в государственных школах. Она не сумела восстановить былое морское и экономическое господство над миром, общество остается разобщенным относительно роли страны в Европе (примером чему служит конфликт вокруг «Брексита»). При этом Великобритания по-прежнему входит в число шести богатейших стран мира, по-прежнему является парламентской демократией под номинальной властью монарха, по-прежнему заслуженно считается мировым лидером в науке и технологиях – и все еще сохраняет собственную валюту, фунт стерлингов, отказываясь переходить на евро.

Эти две истории иллюстрируют главную тему моей книги. Кризисы и стремление к переменам сталкивают между собой отдельных людей и коллективы на всех уровнях, от одиночек до групповых интересов и далее – в бизнесе, в международной политике и в масштабах всего мира. Кризисы могут возникать вследствие внешнего давления, например, когда чело-

---

² Международный конфликт 1956–1957 гг., случившийся после национализации Египтом Суэцкого канала. В ходе вооруженного конфликта Великобритания выступила против Египта заодно с Францией и Израилем.

века бросает муж или жена или когда он овдовевает, или когда государство находится под угрозой нападения со стороны другого государства (а то и подвергается агрессии). Также кризисы могут возникать из-за внутреннего давления, когда, к примеру, человек заболевает, а в государстве начинаются гражданские беспорядки. Успешное преодоление внешнего или внутреннего давления требует внесения выборочных изменений. Это верно как для государств, так и для отдельных людей.

Ключевое слово здесь – «выборочных». Невозможно и нежелательно, будь то для индивидов или для государств, меняться целиком и полностью, радикально отвергать свою прежнюю идентичность. В кризис задача индивида и государства состоит в том, чтобы выяснить, какие элементы их идентичности функционируют хорошо и не нуждаются в корректировке, а какие больше не работают и нуждаются в замене. Индивиды и государства, находящиеся под давлением, должны беспристрастно и непредвзято оценивать свои возможности и ценности. Они должны решить, что продолжает работать, что остается уместным даже в изменившихся обстоятельствах и потому подлежит сохранению. Но следует набраться мужества и признать необходимость тех изменений, которые потребны для адаптации к новой ситуации. Это побуждает индивидов и государства к поиску новых решений, отвечающих их возможностям и совокупности их черт. В то же время нужно, так сказать, провести черту и выделить те элементы, которые столь важны для идентичности, что их нельзя изменять ни в коем случае.

Вот одна из параллелей между людьми и государствами применительно к кризисам. Но имеются также принципиальные различия, на которые мы должны указать.

* * *

Как мы определяем «кризис»? Удобной отправной точкой будет филология: английское слово «кризис» (crisis) происходит от греческого существительного «krisis» и глагола «krino», обладающих рядом связанных значений: «разделять», «решать», «проводить различие» и «обнаруживать поворотный момент». Следовательно, можно воспринимать кризис как некий момент истины: как точку отсчета, для которой условия «до» и «после» различаются гораздо сильнее, чем «до» и «после» «большинства» других ситуаций. Я сознательно ставлю кавычки, поскольку чрезвычайно трудно понять, насколько кратковременным является такое состояние, в какой степени должны измениться условия «после», насколько реже по сравнению с большинством других ситуаций эта «поворотная точка» должна характеризоваться как «кризис», а не просто как очередное малозначимое событие или звено постепенного и естественного эволюционирования.

Поворотный пункт – это олицетворение вызова. Возникает давление, стимулирующее к разработке новых способов справиться с вызовом, ибо прежние способы его преодоления оказались неадекватными для решения проблемы. Если индивид или государство разрабатывают новые, лучшие методы преодоления, тогда мы говорим, что кризис успешно преодолен. Но мы увидим в главе 1, что различие между успехом и провалом в преодолении кризиса зачастую трудно уловить – ведь успех может быть лишь частичным или кратковременным, следовательно, та же проблема вполне способна проявиться снова. (Опять возьмем в пример Великобританию, которая «переоценила» свою мировую роль, вступив в Европейские союз в 1973 году, а в 2017-м проголосовала за то, чтобы покинуть ЕС.)

Давайте проиллюстрируем эту практическую проблему, давайте попробуем определить, насколько кратким, насколько серьезным и насколько редким должен быть поворотный пункт, чтобы мы обоснованно могли трактовать его как кризис. Сколь часто в рамках обычной человеческой жизни – или за тысячелетия региональной истории – будет обоснованным употребление термина «кризис» для характеристики происходящего? На эти вопросы есть множество ответов, и многие из них оказываются полезными для различных целей.

Один «экстремальный» ответ ограничивает употребление термина «кризис» длинными промежутками времени и редкими, поистине драматическими событиями, то есть такими, какие случаются, например, всего несколько раз в жизни индивида и происходят лишь раз в несколько столетий в истории государств. Приведем один пример. Историк Древнего Рима может использовать слово «кризис» только применительно к трем событиям после учреждения Римской республики около 509 года до нашей эры. Это первые две войны против Карфагена (264–241 и 218–201 гг. до н. э.), замена республиканского правления империей (около 23 г. до н. э.) и вторжение варваров, обернувшееся падением Западной Римской империи (около 476 г. н. э.) Конечно, такой римский историк не будет рассматривать все прочие события древнеримской истории с 509 года до нашей эры по 476 год нашей эры как тривиальные; он всего-навсего резервирует термин «кризис» для этих трех исключительных событий.

С другой стороны, мой коллега из UCLA³ Дэвид Ригби и его соавторы Пьер-Александр Баллан и Рон Бошма опубликовали великолепное исследование «технологических кризисов» в американских городах; они определяют кризис как период устойчивого спада в количестве патентных заявок, причем слово «устойчивый» здесь подтверждается цифрами, так сказать, математически. Согласно этому определению, в исследовании доказывалось, что любой американский город переживает технологический кризис в среднем примерно каждые 12 лет, что в среднем такой кризис длится около четырех лет и что средний американский город пребывает в состоянии технологического кризиса около трех лет в каждом десятилетии. Исследователи обнаружили, что такое определение кризиса является плодотворным для ответа на сугубо практический вопрос: что позволяет отдельным, но далеко не всем американским городам избегать технологических кризисов, подпадающих под данное определение? Впрочем, наш римский историк попросту отмахнулся бы от событий, которые изучали Ригби с соавторами, как от недостойных внимания мелочей, а сам Ригби и его соавторы сказали бы, что римский историк пренебрегает всем богатством 985-летней истории Древнего Рима ради трех отдельных событий.

Я хочу сказать, что слово «кризис» можно толковать по-разному, в зависимости от частоты и длительности событий и масштаба их воздействия. Можно с пользой изучать редкие крупные кризисы – и частые малые кризисы. В данной книге шкала времени, которую принимает автор, колеблется от нескольких десятилетий до столетия. Все страны, о которых я рассказываю и которые обсуждаю, пережили при моей жизни то, что я считаю «крупным кризисом». Это не значит, что всем им не доводилось сталкиваться с менее значимыми, но более частыми вызовами.

При личных кризисах, равно как и при общенациональных, мы нередко фокусируемся на каком-то конкретном «моменте истины», скажем, на том дне, когда жена сообщает мужу, что намерена подать на развод, или (случай из истории Чили) на 11 сентября 1973 года, когда чилийские военные свергли демократическое правительство страны, а законно избранный президент совершил самоубийство⁴. Порой кризисы действительно возникают неожиданно, без предвестников – например, цунами на Суматре 26 декабря 2004 года, которое пришло внезапно и унесло жизни 200 000 человек, или смерть моего двоюродного брата в расцвете лет, когда его автомобиль был смят поездом на железнодорожном переезде, вследствие чего его жена осталась вдовой, а четверо детей – сиротами. Но большинство индивидуальных и общенациональных кризисов представляют собой кульминацию эволюционных изменений, осуществлявшихся на протяжении многих лет. Так, развод становится итогом длительных трудностей семейной жизни, а в случае Чили для катастрофы имелись политические и экономические

³ Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

⁴ Долгое время рассматривалась версия, по которой С. Альенде был убит мятежниками, но эксгумация его останков в 2011 г. подтвердила самоубийство.

предпосылки. «Кризис» есть внезапное осознание или внезапное воздействие того давления, которое накапливалось в течение продолжительного времени. Это прямо подтвердил премьер-министр Австралии Гоф Уитлам, который (как мы увидим в главе 7) разработал экстренную программу безусловно серьезных перемен всего за девятнадцать дней в декабре 1972 года, но который преуменьшал собственные достижения, характеризуя реформы как «признание того, что уже произошло».

* * *

Нации и государства – это не просто объединения множества людей; они отличаются от индивидов во многих очевидных отношениях. Почему же, тем не менее, полезно отталкиваться от индивидуального опыта при рассмотрении и изучении общенациональных кризисов? Каковы преимущества такого подхода?

Первое преимущество, о котором я часто упоминаю при обсуждении общенациональных кризисов с друзьями и учениками, состоит в том, что индивидуальные кризисы более знакомы и понятны тем, кто не является специалистом-историком. Потому перспектива индивидуальных кризисов помогает непрофессионалам «соотнестись» с общенациональными кризисами и осознавать их сложность.

Еще одно преимущество заключается в том, что изучение индивидуальных кризисов создает дорожную карту с десятком важных указателей, которые облегчают нам понимание разнообразия результатов. Эти факторы фактически формируют полезную отправную точку для разработки соответствующей дорожной карты, подходящей для изучения и осмысления общенациональных кризисов. Мы увидим, что некоторые факторы возможно напрямую перенести с индивидуальных кризисов на общенациональные. Например, люди в кризисе часто обращаются за помощью к друзьям, а государства, находящиеся в кризисе, могут прибегать к помощи союзных им стран. Индивиды в условиях кризиса могут моделировать свое поведение по образцу других людей, сталкивающихся с аналогичными вызовами; государства в кризисе могут заимствовать и адаптировать решения, уже примененные другими странами, которые испытывали аналогичные проблемы. Наконец люди в кризисе могут заново обрести уверенность в себе благодаря тому, что уже справлялись с предыдущими кризисами; то же самое верно в отношении государств.

* * *

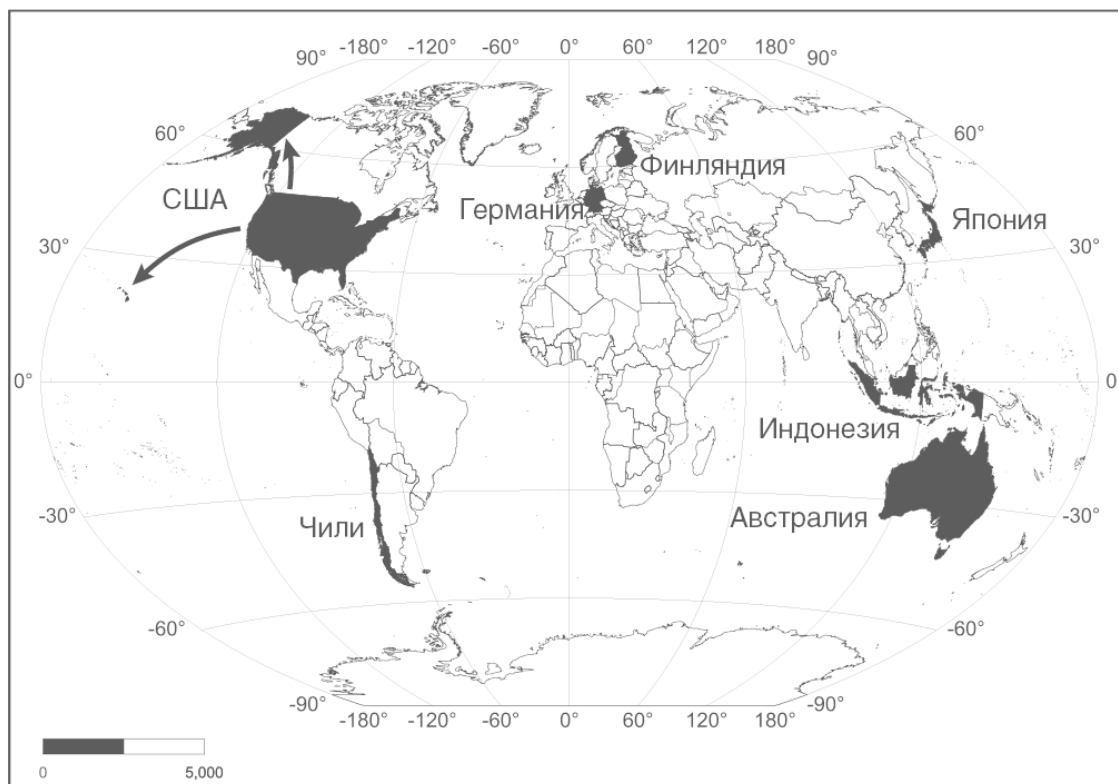
Это, можно сказать, простейшие параллели. Но мы также увидим, что некоторые факторы, связанные с результатами индивидуальных кризисов, не то чтобы являются полностью переносимыми на кризисы общенациональные, но могут служить полезными метафорами для отражения факторов, имеющих отношение к общенациональным кризисам. Например, психотерапевты обнаружили, что в ходе лечения стоит обращать внимание на такое качество индивидуума как «сила эго». Государства, разумеется, не обладают психической силой эго, однако эта концепция предполагает важную для наций идею, а именно идею национальной идентичности. Кроме того, люди часто обнаруживают, что их свобода действий для преодоления кризиса ограничивается повседневными практиками, скажем, обязанностями по уходу за ребенком и работой по найму; страны не испытывают ограничений в связи с необходимостью заботиться о детях и ходить на работу, но, как мы увидим, они тоже сталкиваются с ограничениями своей свободы, пусть и по иным причинам, например, из-за геополитической обстановки или из-за национального богатства.

Сопоставление с индивидуальными кризисами также позволяет четче обозначить те признаки общенациональных кризисов, которые не имеют аналогов среди характеристик индиви-

дуальных кризисов. Среди этих отличительных черт выделяются следующие: у стран, в отличие от отдельных людей, есть лидеры, поэтому вопросы о роли руководства регулярно возникают при обсуждении общенациональных, но не индивидуальных кризисов. Среди историков долго велись (и продолжают идти) дебаты о том, действительно ли уникальные лидеры способны менять ход истории; часто говорят, что это споры вокруг роли и исторического вклада «великого человека». Также спорят до сих пор, насколько реальны альтернативы, то есть насколько вероятен исход исторических событий при иных, чем в реальности, лидерах стран. (Допустим, разразилась бы Вторая мировая война, если бы Гитлер и в самом деле погиб в той автомобильной аварии 1930 года⁵, которая едва не оборвала его жизнь?) Государства обладают собственными политическими и экономическими институтами, которые отсутствуют у индивидов. Преодоление общенациональных кризисов всегда подразумевает групповые взаимодействия и принятие общих решений; отдельные же люди нередко принимают те или иные решения самостоятельно. Общенациональные кризисы могут быть разрешены либо насильственной революцией (как в Чили в 1973 году) или мирным путем (как в Австралии после Второй мировой войны), а индивиды не совершают насильственных революций.

Эти сходства, метафоры и различия суть причины того, почему я считаю, что сопоставления общенациональных и индивидуальных кризисов полезны; они помогают моим студентам в Калифорнийском университете понимать природу общенациональных кризисов.

Читатели и рецензенты научных исследований часто приходят, по мере чтения, к постепенному пониманию охвата книги и метода ее автора; бывает, что, к их неудовольствию, эти охват и метод не соответствуют ожиданиям публики. Поэтому стоит сразу прояснить данные вопросы и поведать, чего от моей книги не нужно ожидать.

Рис. 1. Карта мира

⁵ 13 марта 1930 г. грузовик с прицепом врезался в легковой автомобиль, в котором ехал А. Гитлер, в то время уже руководитель нацистской партии НСДАП. Машина пострадала, но обошлось без человеческих жертв.

Эта книга представляет собой сопоставительное, повествовательное и исследовательское изучение кризисов и выборочных изменений, что воздействовали на протяжении многих десятилетий на семь современных государств, с которыми я связан личным опытом и которые рассматриваются с точки зрения выборочных изменений при индивидуальном кризисе. Это следующие страны: Финляндия, Япония, Чили, Индонезия, Германия, Австралия и США.

Давайте рассмотрим поочередно элементы приведенного выше объяснения.

Это сопоставительная книга. На ее страницах обсуждается не какая-то конкретная, изолированная от прочих страна. Наоборот, исследование охватывает семь государств, которые безусловно подлежат сравнению между собой. Авторам нехудожественной литературы придется выбирать между представлением отдельных кейсов и сопоставлением нескольких примеров. Каждый подход имеет свои преимущества и свои недостатки. В настоящем исследовании, с учетом объема книги, отдельные тематические кейсы могут, конечно, снабдить нас гораздо более подробными сведениями о единичных образцах, но сопоставление предлагает такие перспективы и выявляет такие проблемы, которых не обнаружить при изучении единичных образцов.

Исторические сравнения заставляют задавать вопросы, которые вряд ли возникнут в ходе тематического исследования: почему конкретный тип событий приносит результат R1 в одной стране, но дает совсем другой результат R2 в другой стране? Например, некое исследование гражданской войны в США, которое мне нравится читать, уделяет целых шесть страниц второму дню битвы при Геттисберге, но не в состоянии объяснить, почему американская гражданская война, в отличие от гражданских войн в Испании и Финляндии, закончилась тем, что победители пощадили побежденных. Авторы работ по единичным кейсам часто осуждают сопоставительные исследования, видя в них упрощения и поверхностные обобщения, тогда как авторы сравнительных исследований столь же часто утверждают, что единичные кейсы не способны ответить на широкие вопросы. Последняя точка зрения выражена в присловье «Кто изучает всего одну страну, в конечном счете не понимает ни одной страны»⁶. Данная книга, повторюсь, предполагает сопоставление – со всеми вытекающими из этого факта преимуществами и недостатками.

Поскольку данная книга побуждает читателя распределять свое внимание между семью государствами, мне, как ни мучительно это осознать, приходится в своем изложении быть достаточно лаконичным. Сидя за письменным столом и поворачивая голову, я вижу позади себя, в моем кабинете, дюжины стопки книг и бумаг на полу: каждая высотой до пяти футов, каждая охватывает материал для отдельной главы. Было поистине невыносимо уплотнять пять футов материала по вертикали в главу о послевоенной Германии из 11 000 слов. Вы не поверите, сколько всего интересного пришлось опустить! Но у лаконичности есть свои достоинства: она помогает читателям сравнивать основные проблемы послевоенной Германии с проблемами других стран, не отвлекаясь на захватывающие подробности, исключения из правил, авторские фантазии и тому подобное. Для читателей, которые желают узнать о любопытных подробностях описанных событий, в конце книги я привожу библиографию, где указываются книги и статьи, посвященные отдельным случаям.

Стиль изложения этой книги – повествовательный, традиционный, если угодно, стиль изложения исторических трудов, основу которого заложили «отцы истории» как научной дисциплины, знаменитые древнегреческие авторы Геродот и Фукидид, жившие более 2400 лет назад. «Повествовательный стиль» означает, что аргументы обосновываются и развиваются посредством прозаических рассуждений, без использования уравнений, числовых таблиц, графиков или статистических данных, лишь на малом количестве изучаемых случаев. Этот стиль

---

⁶ Авторство этого выражения приписывается американскому социологу С. Липсету, которого газета «Гардиан» в некрологе (2006) назвала «ведущим теоретиком демократии и американской исключительности».

можно противопоставить новому и модному количественному подходу в современных социальных исследованиях, который подразумевает интенсивное использование уравнений, математически доказуемых гипотез, таблиц данных, графиков и больших статистических выборок (то есть изучение множества случаев) на основании накопленных сведений.

Я научился ценить могущество этого современного количественного метода. Я сам использовал статистику при исследовании обезлесения семидесяти трех полинезийских островов, дабы подкрепить выводы, которые невозможно убедительно доказать из простого рассказа о вырубке лесов на ряде островов⁷. Я также выступил редактором-составителем другой книги, в которой некоторые мои коллеги изобретательно применяли количественный метод для освещения вопросов, прежде долго и безрезультатно обсуждавшихся историками-«нарративистами»⁸. Скажем, позитивно или негативно отразились наполеоновские завоевания и политические потрясения той эпохи на последующем экономическом развитии Европы.

Первоначально я надеялся включить в данную книгу кое-какие сведения, полученные современными количественными методами. Я посвятил этим усилиям несколько месяцев, но в итоге пришел к выводу, что такую задачу следует выделить в отдельный проект на будущее. Все дело в том, что предназначение данной книги – выявить посредством повествовательного исследования гипотезы и переменные, необходимые для последующего количественного анализа, призванного их подтвердить или опровергнуть. Мой «диапазон», всего семь государств, слишком узок, чтобы извлекать из него статистически значимые выводы. Понадобится гораздо больше работ, чтобы «операционализировать» мое повествование и такие качественные понятия, как «успешное разрешение кризиса» и «честная самооценка»; чтобы преобразовать эти вербальные выражения в то, что возможно оценить через цифры. Посему данная книга является повествовательным исследованием, которое, я надеюсь, побудит к количественному тестированию.

Из более чем 210 стран мира в данной книге рассматриваются только семь государств, с которыми я знаком. Я неоднократно посещал все семь стран. На протяжении длительных периодов я жил в шести из них, и началось это еще 70 лет назад. Я говорю (или говорил раньше) на языках этих шести стран. Мне нравятся все эти народы, я восхищаюсь ими и с радостью возвращался в места их обитания; в каждой стране я побывал снова за последние два года и все-раз обдумываю, не перебраться ли на постоянное место жительства в две из них. В результате я получил возможность писать, скажем так, сочувственно, опираясь на собственные впечатления из первых рук и на рассказы моих давних друзей в этих странах. Мой опыт и опыт моих друзей охватывают достаточно долгое время, а потому нас вполне можно считать очевидцами крупных и важных перемен. Среди семи указанных стран о Японии я знаю, пожалуй, меньше всего, поскольку не говорю на японском языке и наезжал туда лишь на краткое время, причем впервые побывал в Японии всего двадцать один год назад. Зато этот недостаток восполняется тем, что мне выпало счастье иметь японских родственников по браку и моих японских друзей и учеников, к которым я всегда мог обратиться за советом.

Конечно, те семь стран, которые я выбрал на основе своего личного опыта, ни в коей мере не являются случайной выборкой среди народов мира. Пять из них относятся к богатым и промышленно развитым, одна богата умеренно и лишь одна принадлежит к числу бедных, но развивающихся. Среди них нет африканских, имеются две европейских, две азиатских, по одной американской (северо- или южноамериканской) и Австралия, страна-континент. Пусть другие авторы проверяют, в какой степени мои выводы на основе этой неслучайной выборки применимы к прочим государствам. Я принял это ограничение и выбрал именно эти семь стран,

⁷ Barry Rolett and Jared Diamond. Environmental predictors of pre-European deforestation on Pacific islands. *Nature* 431: 443–446 (2004).

⁸ Jared Diamond and James Robinson, eds. *Natural Experiments of History*. (Harvard University Press, Cambridge, MA, 2010).

потому что мне показалась неоспоримым преимуществом возможность исследовать только те страны, которые я изучил лично, изучал долго и интенсивно, которые познал близко благодаря дружеской поддержке и (в шести случаях) знакомству с языком.

Эта книга почти полностью посвящена современным общенациональным кризисам, случившимся при моей жизни, что позволило мне писать с точки зрения собственного современного опыта. Отступление, в котором я обсуждаю изменения, случившиеся ранее, касается, опять-таки, Японии, и я специально отвел этой стране сразу две главы. В первой обсуждается нынешняя Япония, а вот в другой речь идет об Японии эпохи Мэйдзи (1868–1912). Я включил в книгу главу об эпохе Мэйдзи, поскольку Япония тех лет олицетворяет собой яркий пример сознательных выборочных изменений, причем эти изменения произошли в относительно недавнем прошлом, а память о событиях и проблемах эпохи Мэйдзи до сих пор жива и актуальна в современной Японии.

Разумеется, общенациональные кризисы и перемены также происходили в прошлом и тоже вызывают аналогичные вопросы. Я не могу отвечать на вопросы о прошлом, опираясь на личный опыт, но укажу, что эти масштабные кризисы минувших лет хорошо изучены и описаны. К числу наиболее известных кризисов такого рода относятся упадок и гибель Западной Римской империи в четвертом и пятом столетиях от Рождества Христова; взлет и падение государства зулусов на юге Африки в девятнадцатом столетии; французская революция 1789 года и последующее преобразование Франции, а также катастрофическое поражение Пруссии в битве при Йене в 1806 году, оккупация страны Наполеоном и последующие социальные, административные и военные реформы. Через несколько лет после того, как начал писать данную книгу, я обнаружил, что работа, название которой отсылает к моей теме («Кризис, выбор и перемены»), уже опубликована моим американским издателем «Литтл, Браун» в 1973 году!⁹ Та книга отличается от моей, среди прочего, описанием ряда тематических кейсов из прошлого, а также в нескольких иных отношениях. (Это коллективный труд под общей редакцией, а метод исследований его авторов зовется «системным функционализмом»¹⁰.)

Исследования профессиональных историков подчеркивают важность архивной работы, то бишь анализ сохранившихся письменных первоисточников. Каждая новая книга по истории обосновывает свое появление упоминанием малоизвестных или недостаточно используемых архивных источников – или переосмыслением выводов, сделанных другими историками. В отличие от большинства многочисленных книг, приводимых мною в библиографии, данная книга не основана на архивных исследованиях. Вместо того она отталкивается от новой методологии изучения индивидуальных кризисов, четко сформулированного сравнительного подхода и от перспективы, основанной на личном жизненном опыте и жизненном опыте друзей автора.

* * *

Это не журнальная статья о текущих делах, статья, которую станут читать и обсуждать в течение нескольких недель после ее публикации, а затем она устареет. Нет, я ожидаю, что эта книга будет переиздаваться многие десятилетия. Сей очевидный факт я привожу, чтобы объяснить, почему вас может удивить, что вы не найдете ничего на этих страницах о политике нынешней администрации президента Трампа в США, о самом президенте Трампе или о ведущихся переговорах по поводу британского «Брексита». Все, что я мог бы сказать сегодня

⁹ Gabriel Almond, Scott Flanagan, and Robert Mundt, eds. *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. (Little, Brown, Boston, 1973).

¹⁰ Имеется в виду методология социологической школы системного (структурного) функционализма (Т. Парсонс и др.). В рамках этой методологии общество рассматривается как социальная система (структура), элементы которой выполняют каждый собственную функцию.

относительно этих мимолетных проблем и событий, будет безжалостно поглощено жестоким временем прежде, чем моя книга увидит свет, а несколько десятилетий спустя окажется попросту бесполезным. Читатели, которых интересуют президент Трамп, его политика и «Брексит», найдут множество обсуждений этих тем в других публикациях. Тем не менее, в главах 9 и 10 я уделяю достаточно много места основным проблемам современных США – проблемам, что формировались последние два десятилетия и ныне требуют пристального внимания президентской администрации (не исключено, что они, вероятно, сохранятся еще, по крайней мере, на следующее десятилетие).

* * *

Что ж, вот какова дорожная карта моей книги. В первой главе речь пойдет об индивидуальных кризисах, от которых нужно отталкиваться, чтобы посвятить оставшуюся часть книги общенациональным кризисам. Мы все видели, переживая наши собственные кризисы и становясь свидетелями кризисов наших родственников и друзей, что имеется множество вариаций в исходах кризисов. В лучшем случае люди справляются, обнаруживая новые и лучшие методы преодоления, и становятся сильнее. В худших случаях страдания берут верх, и люди возвращаются к застарелым привычкам – либо обращаются к новым для себя, но далеко не оптимальным способам преодоления испытаний. Некоторые даже совершают самоубийство. Психотерапевты выявили обилие факторов (о добром десятке из них мы поговорим в главе 1), влияющих на вероятность того, что индивидуальный кризис будет успешно преодолен. Именно в сравнении с этими факторами я буду проводить параллели, рассматривая результаты общенациональных кризисов.

Наверняка найдутся те, кто примется стенать: «Десяток факторов – это слишком много! Почему бы не сократить их число до одного или двух?» Отвечу так: нелепо думать, что все многообразие человеческих жизней или историй развития стран возможно свести к нескольким коротким и вроде бы убедительным выводам. Если вам, к несчастью, попадется в руки книга, притязающая на нечто подобное, – выбрасывайте ее, даже не открывая. А если вас постигнет несчастье заполучить книгу, предлагающую обсудить все 76 факторов, связанных с преодолением кризиса, выкиньте и ее – это автору книги, а никак не читателю, полагается изучить бесконечное разнообразие жизни и определить приоритеты в рамках некой полезной концепции. На мой взгляд, упомянутый десяток факторов обеспечивает приемлемый компромисс между двумя указанными крайностями: количество достаточно велико для того, чтобы объяснить многие проявления реальности, но не избыточно настолько, чтобы превратиться в сухую номенклатуру, бесполезную для постижения мира.

За вводной главой следуют попарно (три раза по две) шесть глав, посвященных каждой конкретному примеру общенационального кризиса. Первая пара рассматривает кризисы в двух странах (Финляндия и Япония), обернувшиеся внезапным возвышением вследствие воздействия другой страны. Вторая пара также повествует о кризисах, случившихся неожиданно, однако их причины были не внешними, а внутренними (в Чили и Индонезии). Наконец последняя пара глав описывает кризисы, которые не взорвались, так сказать, спонтанно, а разворачивались постепенно (в Германии и Австралии), в первую очередь из-за стресса, вызванного Второй мировой войной.

Финляндский кризис (глава 2) был спровоцирован нападением Советского Союза на Финляндию 30 ноября 1939 года. В ходе так называемой Зимней войны Финляндия, брошенная, по сути, номинальными союзниками, понесла тяжелые потери, но все-таки сумела отстоять свою независимость и отразить агрессию СССР, который по численности населения превосхо-

дил Финляндию в соотношении 40 к 1¹¹. Двадцать лет назад я провел в Финляндии целое лето, беседовал с ветеранами, вдовами и сиротами Зимней войны. Эта война привела к заметным выборочным изменениям и превратила Финляндию в уникальную мозаику, где смешиваются как будто несовместимые элементы: перед нами крохотная, но богатая либеральная демократия, проводящая такую внешнюю политику, которая делает все возможное для умиротворения своего обнищавшего гиганта-соседа, то есть реакционной советской диктатуры. Такую политику «финляндизации» считали постыдной и осуждали многие сторонние наблюдатели, не осознававшие исторической обоснованности подобной адаптации. Никогда не забуду, как тем летом в Финляндии я по своему невежеству высказал сходные мысли в присутствии ветерана Зимней войны: в ответ он вежливо перечислил мне те горькие уроки, которые финны усвоили, когда другие государства не пришли им на помощь.

Второй из кризисов, спровоцированных, скажем так, внешним шоком, затронул Японию, чья многолетняя политика изоляции от внешнего мира закончилась 8 июля 1853 года, когда американские военные корабли встали в Токийском заливе и под дулами орудий потребовали торгового договора и особых прав для американских судов¹² (глава 3). В конечном счете это привело к низвержению предыдущей системы управления страной, осознанному принятию программы радикальных широкомасштабных перемен при столь же осознанном сохранении многих традиционных черт. Как следствие, нынешняя Япония принадлежит к числу наиболее показательных богатых и промышленно развитых стран мира. Преобразование Японии в десятилетия после появления у японских берегов американского флота, так называемая эпоха Мэйдзи, замечательно иллюстрирует на общенациональном уровне проявление многих факторов, связанных с индивидуальными кризисами. Процессы принятия решений и вытекающие из них военные успехи эпохи Мэйдзи позволяют понять, почему Япония принимала в 1930-х годах иные решения, которые привели ее к сокрушительному военному поражению во Второй мировой войне.

Глава 4 посвящена Чили, первой из тех стран, где разразился внутренний кризис, вызванный провалом политического компромисса между гражданами. 11 сентября 1973 года, после многих лет политического тупика, демократически избранное правительство Чили во главе с президентом Альенде пало жертвой военного переворота. Лидер заговорщиков генерал Пиночет оставался у власти почти 17 лет. Мои чилийские друзья, с кем я общался, пока жил в Чили за несколько лет до переворота, не предвидели ни сам переворот, ни мировые рекорды по садизму, если можно так выразиться, которые установило правительство Пиночета. Более того, эти друзья с гордостью объясняли мне, что у Чили имеются давние демократические традиции, в отличие от большинства других стран Южной Америки. Сегодня Чили вновь стала оплотом демократии в Южной Америке, но страна претерпела ряд выборочных изменений, приняв элементы моделей Альенде и Пиночета. Для моих американских друзей, которым я показывал свою рукопись на этапе подготовки книги, эта глава о Чили оказалась самой страшной: их напугало то, как быстро и решительно демократия превратилась в садистскую диктатуру.

В паре с этой главой о Чили идет глава 5, посвященная Индонезии, где провал политического компромисса между гражданами также привел к внутреннему взрыву и попытке военного переворота – в данном случае 1 октября 1965 года. Впрочем, результат переворота принципиально отличался от чилийского: второй переворот ознаменовался геноцидом той фракции, что предположительно стояла за первым переворотом. Индонезия вдобавок олицетворяет собой разительный контраст всем прочим государствам, обсуждаемым в настоящей книге: это беднейшая, наименее развитая и наименее вестернизированная среди семи стран,

¹¹ Численность населения СССР в 1939 г. составляла чуть более 170 млн человек, а численность населения Финляндии приближалась к 3 700 000 человек.

¹² Имеется в виду прибытие к берегам Японских островов т. н. «Черного флота» commodора М. Перри. В результате Японии пришлось отказаться от многолетней политики добровольной самоизоляции от мира.

обладающая самой «свежей» национальной идентичностью, которая крепла на протяжении тех сорока лет, когда я там трудился.

В следующих двух главах (главы 6 и 7) обсуждаются немецкий и австралийский общенациональные кризисы, которые как будто разворачивались постепенно, а не вспыхнули одновременно. Некоторые читатели усомнятся в обоснованности употребления слов «кризис» и «потрясение» применительно к таким постепенным изменениям. Но даже пускай кто-то предпочтет использовать иное определение, лично я считаю целесообразным анализировать эти случаи в тех же рамках, которые применяются для изучения более резких трансформаций, поскольку здесь возникают те же образцы выборочных изменений и поскольку эти случаи иллюстрируют те же факторы, оказывающие влияние на конечный результат. Кроме того, разница между «взрывными кризисами» и «постепенными изменениями» видится в значительной мере произвольной, ведь одно перетекает в другое. Даже при очевидно резких трансформациях, как было в Чили, к перевороту ведут десятилетия мало-помалу нарастающей напряженности, а за мгновением «взрыва» следуют десятилетия поэтапных изменений. Поэтому я характеризую кризисы, о которых идет речь в главах 6 и 7, как мнимо «постепенные», ведь на самом деле послевоенный кризис в Германии начался с грандиозного опустошения, подобного которому не переживала ни одна из стран, упоминаемых в этой книге: достаточно вспомнить плачевное состояние Германии на момент капитуляции во Второй мировой войне 8 мая 1945 года. Точно так же в послевоенной Австралии кризис будто бы разворачивался постепенно, но спровоцировали его три шокирующих военных поражения, понесенных менее чем за три месяца.

Первая из двух стран, служащих примером «эволюционного кризиса», Германия (глава 6) после Второй мировой войны была вынуждена одновременно избавляться от наследия нацистского правления, реформировывать иерархическую организацию своего общества и справляться с травмой политического раскола на Западную и Восточную Германию. В рамках моего сравнительного анализа характерные черты преодоления кризиса в послевоенной Германии охватывают и исключительно яростные столкновения поколений, суровые геополитические ограничения и процесс национального примирения со странами, которые стали жертвами зверств нацистов в годы войны.

Другим примером «эволюционного кризиса» выступает Австралия (глава 7), сумевшая изменить собственную национальную идентичность за те пятьдесят пять лет, на протяжении которых я в ней бывал. Когда я впервые приехал туда в 1964 году, Австралия воспринималась как отдаленный британский форпост в Тихом океане, она все еще цеплялась за Великобританию в формулировании своей идентичности и проводила политику «белой Австралии», подразумевавшую отчуждение неевропейских иммигрантов. Но Австралия столкнулась с кризисом идентичности, поскольку «белая» и британская идентичности все сильнее противоречили географическому положению Австралии, потребностям ее внешней политики, оборонной стратегии, принципам развития экономики и переменам в демографии. Сегодня торговля и политика Австралии ориентируются прежде всего на Азию, городские улицы и университетские кампусы изобилуют представителями азиатских национальностей, а австралийские избиратели едва не взяли верх на референдуме, что предлагал отказаться от признания королевы Англии главой австралийского государства¹³. Тем не менее, как в Японии эпохи Мэйдзи и в Финляндии, изменения были выборочными: Австралия по-прежнему остается парламентской демократией, ее государственным языком по-прежнему является английский язык, а большинство австралийцев составляют британцы по происхождению.

---

¹³ Имеется в виду австралийский референдум 1999 г., в ходе которого за республиканскую форму правления высказались более 45 % проголосовавших.

Все общенациональные кризисы, о которых шла речь выше, хорошо изучены и были успешно преодолены (или, по крайней мере, давно преодолеваются), в результате чего у нас есть возможность оценить их результаты. В последних четырех главах настоящей книги описываются текущие и будущие кризисы, чьи результаты пока трудно предугадать. Начинаю я с Японии (глава 8), пускай о ней уже говорилось в главе 3. Япония сегодня сталкивается со множеством фундаментальных проблем, и некоторые из них вполне осознаются японским народом и правительством, тогда как существование других попросту отвергается. В настоящее время сколько-нибудь практического способа разрешить эти проблемы нет, но будущее Японии действительно определяется выбором народа. Возможно, память о трансформации эпохи Мэйдзи поможет современной Японии мужественно преодолеть испытания и добиться успеха.

Следующие две главы (главы 9 и 10) посвящены моей родной стране – США. Я выделяю четыре текущих кризиса, которые грозят американской демократии и американскому могуществу в следующем десятилетии – и чреваты повторением того, что когда-то произошло в Чили. Конечно, я не уникален и не одинок в своих открытиях: многие американцы публично обсуждают все четыре кризиса, а общее ощущение близящейся катастрофы широко распространяется по США. На мой взгляд, все четыре проблемы на данный момент не имеют решения; более того, ситуация неуклонно ухудшается. Впрочем, США, подобно Японии эпохи Мэйдзи, обладают памятью о преодолении кризисов, особенно того, что спровоцировал нашу длительную и кровопролитную гражданскую войну, и того, который побудил нас в мгновение ока отказаться от политической изоляции ради участия во Второй мировой войне. Помогут ли эти воспоминания моей стране?

Наконец мы обсудим мир в целом (глава 11). Разумеется, велико искушение перечислить бесконечную череду проблем, стоящих перед миром, но я сосредоточусь на тех четырех, которые видятся мне актуальными: если тенденции продолжатся, это приведет к падению уровня жизни во всем мире в следующие несколько десятилетий. В отличие от Японии и США, где налицо долгая история национальной идентичности, самоуправления и воспоминаний об успешных коллективных действиях, у мира в целом нет чего-то подобного. Без таких воспоминаний, которые бы нас воодушевляли, справится ли человечество, впервые за свою историю столкнувшись с вызовами, потенциально смертоносными для планеты?

Эта книга заканчивается эпилогом, где сопоставляются исследования семи государств и мира в целом с точки зрения упомянутого десятка факторов. Я пытаюсь ответить на вопрос, обязательно ли стране нужен кризис, чтобы стимулировать радикальные изменения. Понадобился шок от пожара в клубе «Коконат-гроув», чтобы случилась реформа психотерапии; отважатся ли государства на реформирование без такого шока? Также я обсуждаю, оказывают ли руководители и лидеры определяющее влияние на историю; намечаю направления будущих исследований и обозначаю те уроки, которые мы могли бы реально почерпнуть из изучения истории. Если люди – или хотя бы их лидеры – решат поразмыслить над минувшими кризисами, их понимание прошлого может помочь нам преодолеть нынешние и будущие кризисы.

Часть первая. Индивиды

Глава 1. Индивидуальные кризисы

Личный кризис. – Траектории. – Как справляться с кризисами. – Факторы, связанные с итогами. – Общественные кризисы

В двадцать один год я испытал самое сильное потрясение в своей профессиональной карьере. Я вырос в Бостоне и был старшим ребенком образованных родителей: мой отец-профессор преподавал в Гарварде, мать занималась лингвистикой, играла на пианино и учила детей; оба они поощряли мое стремление к знаниям. Я учился в отличной средней школе (Латинская школа Роксбери)¹⁴, затем поступил в отличный колледж (Гарвардский колледж¹⁵). Я преуспевал в школе, был среди первых по всем учебным дисциплинам, выполнил и опубликовал еще студентом два лабораторных исследовательских проекта и окончил колледж с лучшими отметками среди сокурсников. По примеру своего отца-врача и опираясь на удачный и успешный опыт студенческих исследований, я решил получить докторскую степень по физиологии. В сентябре 1958 года я прибыл в аспирантуру английского университета Кембридж, считавшегося в ту пору мировым лидером в области изучения физиологии. Дополнительные преимущества переезда в Кембридж включали первую для меня возможность пожить вдали от дома, попутешествовать по Европе и поднатореть в иностранных языках (к тому времени я освоил уже шесть, но по книгам).

Учеба в Англии очень быстро показала, что мне придется гораздо труднее, чем было в Роксбери и Гарвардском колледже – или даже чем в студенческих изысканиях. Мой наставник в Кембридже (мы с ним делили лабораторию и офис) был отличным физиологом и изучал, как электрические угри порождают энергию. Он поручил мне фиксировать перемещения заряженных частиц (ионов натрия и калия) в электрогенерирующих мембранах угрей. Для этого потребовалось спроектировать необходимое оборудование. Увы, я никогда не умел хорошо работать руками. В школе я не справился в одиночку с постройкой простейшего радиоприемника. В общем, у меня не было ни малейшего представления о том, как проектировать камеру по изучению мембран, равно как и обо всем, что касалось каких-либо более или менее сложных приборов, связанных с электричеством.

В Кембридж я приехал с наилучшими рекомендациями моего научного руководителя из Гарвардского университета. Но теперь для меня самого и для моего руководителя в Кембридже стало очевидно, что я никуда не годюсь. В качестве научного сотрудника я был для него бесполезен. Он перевел меня в отдельную лабораторию, где я мог бы придумать исследовательский проект самостоятельно.

В попытке подыскать проект, лучше подходящий под мои слабые познания в технологиях, я ухватился за идею изучения транспортировки натрия и воды в желчном пузыре, простом мешковидном органе. Тут требовались элементарные условия: просто каждые десять минут аккуратно фиксировать состояние наполненного жидкостью рыбьего желчного пузыря и замерять объем воды в желчном пузыре. Даже я наверняка на это способен! Желчный пузырь сам по себе не имел ценности, но его ткань относилась к классу тканей под названием эпителий,

---

¹⁴ Т.ж. Бостонская латинская школа, элитное учебное заведение, программа которого построена на следовании классическим образцам «латинского», т. е. гуманитарного образования. Среди выпускников этой школы, существующей с 1635 г., – Б. Франклин, Дж. Сантаяна, Дж. П. Кеннеди (отец президента Кеннеди) и другие известные американцы.

¹⁵ Колледж свободных искусств при Гарвардском университете, старейшее учебное заведение сферы высшего образования в США.

который присутствовал в намного более важных органах, например, в почках и кишечнике. В ту пору, в 1959 году, считалось, что все известные эпителиальные ткани, которые транспортировали ионы и воду, подобно желчному пузырю, порождают электрическое напряжение в процессе транспортировки заряженных ионов. Но всякий раз при попытке измерить напряжение желчного пузыря у меня получался ноль. В те дни это считалось убедительным доказательством того, что либо я не овладел даже простейшей технологией замера напряжения желчного пузыря, либо ухитрился погубить ткань образца и она перестала функционировать. Так или иначе, я допустил очередной провал в качестве лабораторного физиолога.

Мою деморализованность усугубило посещение в июне 1959 года первого конгресса Международного биофизического общества в Кембридже. Сотни ученых со всего мира выступали с докладами о своих исследованиях, а у меня не было результатов, которые я мог бы обнародовать. Я чувствовал себя униженным. Я привык всегда и во всем быть первым, а сейчас вдруг стал никем.

Меня начали посещать философские, экзистенциальные сомнения по поводу карьеры научного исследователя. Я прочитал и перечитал знаменитую книгу Торо «Уолден»¹⁶. Меня потрясло то, что я расценил как послание, обращенное лично ко мне: реальным побуждением к занятиям наукой является эгоистическое желание получить признание других ученых. (Да, это действительно важный мотив для большинства ученых!) Но Торо убедительно показал, что не стоит идти на поводу у пустого притворства. Основное послание «Уолдена» было следующим: я должен понять, чего в самом деле хочу добиться в жизни, и не обольщаться соблазнами признания. Торо укрепил мои сомнения в том, следует ли и дальше заниматься научными исследованиями в Кембридже. Момент принятия решения приближался, второй год аспирантуры начинался в конце лета, значит, мне пришлось бы повторно подавать документы, если я все-таки намерюсь продолжать учебу.

В конце июня я уехал в месячный отпуск в Финляндию. Это был великолепный и незабываемый опыт, о котором мы подробнее поговорим в следующей главе. В Финляндии я впервые стал изучать язык, сложный и красивый финский язык, не по книгам, а в живом общении, просто слушая и разговаривая с людьми. Мне это понравилось. Все было просто здорово и радовало в той же степени, в какой мои физиологические исследования внушали тоску и угнетали.

К концу этого месяца в Финляндии я всерьез задумался о том, чтобы забыть о карьере в естественных науках (даже в науке как таковой). Вместо этого мне захотелось перебраться в Швейцарию, поддаться своей страсти и способности к изучению языков и стать синхронным переводчиком при Организации Объединенных Наций. Это означало бы разрыв с моими академическими потугами, научной творческой мыслью и академической славой, которую я себе воображал и которую олицетворял для меня мой отец-профессор. Переводчикам платили не очень-то много. Но, по крайней мере, я стану заниматься тем, что, как я думал, мне нравится и в чем я преуспею – так мне казалось тогда.

Мой кризис достиг высшей точки после возвращения из Финляндии, когда я встретился в Париже с родителями (которых не видел целый год) и с которыми поделился своими практическими и экзистенциальными сомнениями относительно исследовательской карьеры, а также поведал о намерении податься в переводчики. Должно быть, моим родителям было морально тяжело наблюдать растерянность и упадок духа их сына. Но, по счастью, они просто выслушали меня и не стали указывать, что мне надлежит делать.

Кризис разрешился однажды утром, когда мы с родителями сидели на скамейке в парижском парке, снова обсуждая, стоит ли мне забрасывать занятия наукой прямо сейчас или лучше повременить. В конце концов мой отец внес осторожное предложение, подчеркнув, что не

---

¹⁶ Сочинение американского писателя Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854) пересказывает личный опыт автора, который добровольно разорвал все связи с обществом и провел более двух лет в самодостаточном лесном уединении.

собирается давить на меня. Он признал обоснованность моих сомнений насчет научно-исследовательской карьеры. Но ведь минул всего первый год аспирантуры, а желчный пузырь я изучал всего несколько месяцев. Разве не слишком рано отказываться от запланированной карьеры всей жизни? Почему бы не вернуться в Кембридж, не дать науке еще один шанс и не посвятить еще полгода попыткам совладать с изучением желчного пузыря? Если окажется, что это не мое, у меня будет возможность все бросить весной 1960 года; не нужно принимать необратимое серьезное решение сию секунду.

Отцовское предложение свалилось на меня как спасательный круг, брошенный тонущему человеку. Я действительно смогу отложить важное решение по веской причине (хотя бы на полгода), и в этом нет ничего постыдного. Такой шаг отнюдь не обрекал меня безвозвратно на продолжение исследовательской карьеры. Через полгода я вполне мог, если захочу, податься в синхронные переводчики.

Так тому и быть. Я вернулся в Кембридж на второй год обучения. Я возобновил исследования желчного пузыря. Два молодых сотрудника физиологического факультета, которым я буду вечно благодарен, помогли решить технологические проблемы изучения желчного пузыря. В частности, один из них подсказал, что мой метод замера напряжения в желчном пузыре был совершенно правильным: в самом деле возникали напряжения, которые можно было замерить (так называемая «диффузия потенциалов» и «потокоточные потенциалы») в соответствующих условиях. Просто-напросто желчный пузырь не порождал напряжения при транспортировке ионов и воды, причем по замечательной причине, уникальной для передающего эпителия при тогдашнем уровне знаний: он транспортировал одновременно положительные и отрицательные ионы, а потому отсутствовал чистый заряд и напряжение не возникало.

Результаты моих исследований начали интересовать других физиологов и даже вызывать мое собственное любопытство. Когда мои эксперименты с желчным пузырем увенчались успехом, экзистенциальные сомнения по поводу признания у других ученых пропали сами собой. Я пробыл в Кембридже четыре года, защитил докторскую диссертацию, вернулся в США, получил хорошую должность в университете и начал заниматься исследованиями и преподаванием физиологии (сначала в Гарварде, затем в Калифорнийском университете), став вполне успешным физиологом.

Это был мой первый серьезный профессиональный кризис, распространенный тип личного кризиса. Конечно, это отнюдь не единственный и не последний кризис в моей жизни. Позже случились два более «мягких» профессиональных кризиса (1980-й и 2000-й годы), связанные с изменением направления моих исследований. Впереди меня ожидали суровые личные проблемы, сопряженные с первым браком и первым разводом полтора года спустя. Но описанный выше первый профессиональный кризис был для меня весьма специфическим и даже уникальным: сомневаюсь, что какой-либо другой человек в мировой истории когда-либо решал для себя, отказаться ли ему от физиологических исследований желчного пузыря, чтобы стать синхронным переводчиком. Но, как мы увидим далее, те широкие вызовы, которые поставил передо мной мой кризис 1959 года, совершенно типичны для индивидуальных кризисов как таковых.

* * *

Почти все читатели настоящей книги наверняка испытывали или испытают в будущем потрясения, воплощающие собой личный кризис, как это случилось со мной в 1959 году. В разгар кризиса, в который вы угодили, вы не задумываетесь об академических дефинициях термина «кризис»; вы просто знаете, что вам плохо. Потом, когда кризис минует и появится свободное время на осмысление, можно будет оценить его в ретроспективе как ситуацию, в которой вы столкнулись с важным вызовом, не поддававшимся преодолению посредством

ваших обычных методов и способов. Вы отчаянно пытались изобрести новые способы преодоления трудностей. Подобно мне, вы ставили под сомнение свою личность, свои ценности и свой взгляд на мир.

Несомненно, вы видели, как личные кризисы возникают в разных формах и по разным причинам, как они развиваются, следуя различным траекториям. Одни принимают форму единичного и непредвиденного шока – например, внезапная смерть любимого человека или увольнение без предупреждения, серьезный несчастный случай или стихийное бедствие. Осознание утраты способно ввергнуть в кризис не только из-за практических последствий самой потери (например, у вас больше нет супруга), но также из-за эмоциональной боли и опровержения веры в справедливость мироздания. Именно так все обстояло для родственников и близких друзей жертв пожара в клубе «Коконат-гроув». Другие кризисы принимают форму проблем, что накапливаются медленно, но в итоге взрываются, – примером может служить неудачный брак, хроническое тяжелое заболевание, свое или дорогого человека, или финансовые и рабочие проблемы. Есть также «эволюционирующие» кризисы, которые обычно проявляются на определенных «переходных» этапах в жизни, будь то подростковый возраст, средний возраст или возраст выхода на пенсию и ощущение старости. Например, при кризисе среднего возраста человеку может казаться, что лучшие годы его жизни остались позади, и он принимается искать новые цели на остаток жизни.

Это разные формы индивидуальных кризисов. Среди них наиболее частыми являются проблемы взаимоотношений: развод, разрыв близких отношений или глубокая неудовлетворенность, побуждающая вас или вашего партнера к сомнениям в целесообразности продолжения отношений. Развод часто заставляет людей задаваться вопросом: что я сделал неправильно? Почему он / она хочет меня бросить? Почему я сделал такой плохой выбор? Что я могу сделать иначе в следующий раз? А возможен ли для меня вообще следующий раз? Если я не в состоянии добиться успеха даже в отношениях с человеком, который для меня ближе всего и которого я сам выбирал, на что я вообще гожусь?

Помимо проблем во взаимоотношениях, другими частыми причинами личных кризисов выступают смерть и болезни близких, а также проблемы со здоровьем, карьерой или финансовой безопасностью человека. Ряд кризисов связан с религией: истово верующие вдруг могут осознать, что оказались во власти сомнений, а неверующие, наоборот, могут сообразить, что их влечет к религиозной вере. Но, каковы бы ни были причины всех этих типов кризисов, общим для них выступает осознание того, что нечто важное в жизни перестало работать и нужно искать новые подходы.

Мой личный интерес к индивидуальным кризисам, как и у многих других людей, изначально возник вследствие кризисов, которые я испытал на себе или которые наблюдал у своих друзей и родственников. Для меня этот личный опыт и личный интерес получили дополнительный стимул благодаря моей супруге Мари (по профессии она – клинический психолог). В первый год нашей совместной жизни Мари трудилась в общественном центре психического здоровья, и клиника предлагала краткосрочную психотерапию для клиентов, угодивших в кризисное состояние. Пациенты обращались в клинику лично или по телефону, не в силах самостоятельно справиться с той грандиозной проблемой, которая на них обрушилась. Когда открывалась дверь или звонил телефон, когда очередной клиент входил или начинал рассказывать, консультант, разумеется, даже не догадывался, с какой именно проблемой конкретный человек столкнулся. Но консультант знал, что этот пациент, как и все предыдущие пациенты, находится в состоянии острого личного кризиса, а еще признался сам себе, что проверенных способов справиться с трудными ситуациями уже недостаточно.

Результаты консультаций в медицинских центрах, предлагающих кризисную терапию, варьируются весьма широко. В самых печальных случаях некоторые клиенты пытаются покончить жизнь самоубийством. Другие пациенты не в силах отыскать новый способ преодоления

кризиса, эффективный для них: они возвращаются к прежним методам и могут в итоге поддаться горю, гневу или разочарованию. В лучшем же случае пациент находит новый способ справиться с невзгодами – и выходит из кризиса сильнее прежнего. Этот результат красиво передает китайский иероглиф, толкуемый как «кризис»: фонетически он звучит примерно как «вэй-цзи», а на письме состоит из двух символов, причем иероглиф «вэй» означает «опасность», а иероглиф «цзи» означает «удачная возможность, критическая точка, подходящий случай»¹⁷. Немецкий философ Фридрих Ницше выразил аналогичную идею своим афоризмом: «Что нас не убивает, делает нас сильнее»¹⁸. Уинстон Черчилль имел в виду то же самое, когда повторял: «Не позволяйте хорошему кризису пропадать впустую!»

Часто от тех, кто помогает другим, можно услышать, что при остром индивидуальном кризисе нечто происходит за короткий промежуток времени, равный шести неделям. За этот краткий «переходный» период мы успеваем поставить под сомнение свои заветные убеждения и становимся гораздо более восприимчивыми к переменам по сравнению с предыдущим длительным периодом относительной стабильности. Мы не сможем жить дальше, не найдя какого-то способа справиться с ситуацией, пускай и продолжаем горевать, страдать или изнывать от безработицы и злости намного дольше. За шесть недель мы либо начинаем изучать новый способ преодоления кризиса, такой, который в конечном счете окажется успешным, либо выбираем «негативно удачный» способ – либо же возвращаемся к проверенным (и уже не годящимся в данном случае) способам «по умолчанию».

Конечно, эти мысли относительно острых кризисов не подразумевают того, что наша жизнь якобы соответствует некой упрощенной модели: (1) испытать шок, поставить будильник на шесть недель; (2) признать непригодность прежних методов преодоления трудностей; (3) изучить новые методы преодоления трудностей; (4) по сигналу будильника либо сдаться, либо вернуться к старому, либо справиться с кризисом и жить дальше долго и счастливо. Вовсе нет, ведь многие перемены в жизни формируются и реализуются постепенно, без острой фазы. Нам удастся выявить и разрешить множество скапливающихся и нарастающих проблем, прежде чем они успевают перерасти в кризис, способный нас погубить. Даже кризисы в острой фазе могут перетечь в длительную фазу медленного восстановления. Это особенно верно в отношении кризисов среднего возраста, когда начальный всплеск неудовлетворенности и проблемски решений возникают в острой фазе, но реализация принятого решения может занимать годы. Кризис не обязательно разрешается навсегда. Например, пара, которая сумела уладить серьезные разногласия и тем самым избежала развода, может со временем найти новый повод для конфликта – и тогда ей снова придется иметь дело с той же (или схожей) проблемой. Тот, кому удалось справиться кризисом одного типа, может впоследствии столкнуться с новым кризисом, как было у меня самого. Но даже перечисленные оговорки не отменяют тот факт, что многие из нас преодолевают кризис, двигаясь приблизительно по описанной мною траектории.

* * *

Как терапевт помогает тому, у кого случился кризис? Очевидно, что традиционные методы долгосрочной психотерапии, которые часто фокусируются на опыте детства, чтобы выяснить глубинные причины текущих проблем, неуместны в условиях кризиса, поскольку это слишком медленная процедура. Вместо того кризисная психотерапия фокусируется на самом кризисе. Метод изначально был разработан психиатром доктором Эрихом Линдеман-

¹⁷ Считается, что на Западе такое толкование иероглифа приобрело популярность благодаря президенту Кеннеди, который дважды ссылаясь на него в своих обращениях к нации. В данном случае автор указывает сразу все значения второго символа иероглифа, но гораздо чаще – в риторических целях – упоминают всего об одном его значении, а именно «благоприятная возможность».

¹⁸ Точная цитата из работы «Ессе Ното»: «Все в жизни, что меня не убивает, делает меня сильнее».

ном¹⁹ сразу после пожара в клубе «Коконат-гроув», когда бостонские больницы были переполнены не только пациентами, когда врачи пытались спасти не только жизни раненых и умирающих людей, но когда они старались избавить от горя и чувства вины еще большее число выживших, родственников и друзей. Эти обезумевшие от душевных мук люди спрашивали себя, почему было позволено случиться такому несчастью и почему они сами еще живы, хотя дорогие им существа совсем недавно умерли страшной смертью – от ожогов, или были затоптаны, или скончались от удушья. Например, один пораженный чувством вины муж, коривший себя за то, что привел свою погибшую в пожаре жену в «Коконат-гроув», выпрыгнул из окна, дабы воссоединиться с супругой в смерти. Хирурги помогали пострадавшим от ожогов, но какую психологическую помощь могли оказать терапевты? Вот кризис и вот вызов, который пожар в клубе «Коконат-гроув» поставил перед психотерапией как практической дисциплиной. Этот пожар стал, если угодно, колыбелью кризисной терапии.

Стремясь помочь как можно большему количеству душевно травмированных людей, Линдемэнн начал разрабатывать методологию, которая сегодня обозначается как «кризисная терапия» и которая после пожара в «Коконат-гроув» распространилась на другие типы острых кризисов, перечисленные выше. На протяжении десятилетий с 1942 года прочие психотерапевты продолжали изучать методы кризисной терапии, которые уже практиковались и преподавались во многих клиниках, в частности, в той, где работала моя жена Мари. Основной посыл кризисной терапии на протяжении ее развития не менялся: это краткосрочное лечение, подразумевающее не более полудюжины сеансов с интервалом в неделю и охватывающее приблизительно острую стадию кризиса.

Как правило, когда человек впервые оказывается в состоянии кризиса, он испытывает всепоглощающее чувство, будто все в его жизни вдруг пошло неправильно. Пока длится этот паралич, трудно добиться прогресса в лечении, затрагивая по одной теме за одно посещение. Следовательно, первоначальная цель терапевта при первом сеансе – или же первый шаг в ситуации, когда имеешь дело с кризисом, который человек уже осознал, самостоятельно или с помощью друзей, – состоит в том, чтобы преодолеть этот паралич посредством так называемого «возведения забора». Это означает, что нужно определить конкретно причину или причины страданий, чтобы появилась возможность сказать: «Тут, за забором, собраны те-то и те-то проблемы в моей жизни, но все остальное снаружи забора в полном порядке». Часто человек в кризисе чувствует облегчение, едва ему удастся сформулировать проблему и построить вокруг нее забор. Далее психотерапевт может помочь пациенту в поисках альтернативных способов разрешения конкретных проблем за забором. Таким образом, пациент приступает к процедуре выборочных изменений, вместо того чтобы оставаться парализованным мнимой необходимостью полного изменения жизни, каковое попросту невозможно.

Помимо возведения упомянутого забора на первом сеансе нередко пытаются решить еще одну проблему, а именно – дать ответ на вопрос «Почему сейчас?» Это краткая версия вопроса: «Почему вы решили обратиться за помощью в кризисный центр сегодня и почему вы ощущаете кризис сейчас, а не когда-либо раньше, и ощущаете вообще?» При кризисе, вызванном единичным непредвиденным шоком, скажем, пожаром в клубе «Коконат-гроув», этот вопрос не приходится задавать, потому что очевидным ответом будет сам шок. Но ответ не очевиден в случае, когда кризис нарастает медленно, а затем взрывается, или когда кризис развития оказывается связанным с продолжительной фазой жизни, будь то подростковый или средний возраст.

Типичным примером будет женщина, пришедшая в кризисный центр потому, что узнала об интрижке своего мужа на стороне. Впрочем, выясняется, что она уже давно знала об этой интрижке. Почему же она решила обратиться за помощью сегодня, а не месяц или год назад?

---

¹⁹ На момент пожара он возглавлял отделение психиатрии в Массачусетской больнице общего профиля в Бостоне.

Побудительным стимулом могла выступить одна-единственная фраза или какая-либо подробность интрижки, ставшая для клиентки «последней каплей», либо, казалось бы, тривиальное событие, напомнившее клиентке о чем-то значимом в ее прошлом. Очень часто клиент даже не задумывается над ответом на вопрос «Почему сейчас?» Но когда ответ найден, это может оказаться полезным для клиента или для терапевта (и даже для обоих) в стремлении преодолеть кризис. Если вспомнить мой карьерный кризис 1959 года, который накапливал потенциал для взрыва в течение полугода, причиной, по которой первая неделя августа 1959-го превратилась в «сейчас», был визит моих родителей и практическая необходимость обсудить с ними, возвращаться ли мне на следующей неделе в физиологическую лабораторию Кембриджского университета.

Конечно, краткосрочная кризисная терапия не является единственной методикой борьбы с индивидуальными кризисами. Я уделил ей столько внимания не потому, что имеются какие-либо параллели между ограниченной по времени программой кризисной терапии из шести сеансов и способами преодоления общенациональных кризисов. В последнем случае никто не будет устраивать шесть общенациональных дискуссий в сжатый промежуток времени. Нет, я фокусируюсь на краткосрочной кризисной терапии потому, что этой методикой пользуются психотерапевты, накопившие немалый практический опыт и делящиеся своими наблюдениями друг с другом. Они регулярно обсуждают эти вопросы и публикуют статьи и книги о факторах, влияющих на результаты кризисов. Я много слышал о тех дискуссиях от Мари – почти каждую неделю, пока она обучалась в центре кризисной терапии. Я нашел эти дискуссии полезными для постулирования соображений, которые заслуживают изучения с точки зрения влияния на исход общенациональных кризисов.

* * *

Кризисные терапевты выявили как минимум дюжину факторов, которые делают успешное преодоление индивидуального кризиса более или менее вероятным (см. Таблицу 1.1). Давайте рассмотрим эти факторы, начав с тех трех или четырех, которые являются критическими до начала или в начале терапии.

1. Признание того, что человек находится в кризисе

Этот фактор побуждает людей заняться кризисной терапией. Без такого признания никто не пойдет в терапевтическую клинику и не начнет пытаться справиться с кризисом самостоятельно. Пока кто-то не признает: «Да, у меня есть проблема» (а такое признание может потребовать много времени), не следует ждать никакого прогресса в решении проблемы. Мой профессиональный кризис 1959 года начался с того, что мне пришлось признать свой провал в качестве лабораторного ученого после десятка лет стабильных успехов в школе и колледже.

Таблица 1.1. Факторы, связанные с последствиями индивидуальных кризисов

1. Признание того, что ты в кризисе
2. Принятие личной ответственности за преодоление кризиса
3. «Возведение забора» для выделения проблем, требующих разрешения
4. Получение материальной и эмоциональной помощи от других индивидов и группы
5. Использование других людей как образцов разрешения проблем
6. Сила эго
7. Честная самооценка
8. Опыт предыдущих личных кризисов

9. Терпение
10. Гибкая личность
11. Базовые индивидуальные ценности
12. Свобода от личных ограничений

2. Принятие личной ответственности

Недостаточно просто признать наличие проблемы. Люди часто продолжают говорить: «Да, у меня есть проблемы, но это не моя вина. Другие люди или внешние обстоятельства портят мне жизнь». Жалость к себе и стремление примерить на себя роль жертвы относятся к числу наиболее распространенных оправданий, которые приводятся в объяснение нежелания справляться с личными проблемами. Отсюда и возникает второе препятствие после признания наличия проблем – необходимо взять на себя ответственность за поиск выхода из ситуации. «Да, существуют внешние обстоятельства и другие люди, но они – не я. Я не могу изменить других людей. Я единственный, кто может управлять собственными действиями. Если я хочу, чтобы эти внешние обстоятельства и другие люди изменились, мне нужно что-то сделать, изменяя мое собственное поведение и реакции на происходящее. Другие люди вряд ли изменятся спонтанно, если я не сделаю чего-то сам».

3. «Возведение забора»

Когда человек признал наличие кризиса, принял на себя ответственность за меры по его преодолению и явился в центр кризисной терапии, первая терапевтическая сессия должна сосредоточиться на «возведении забора», то есть на выявлении и фиксации тех проблем, которые подлежат разрешению. Если человек в кризисе не сможет этого сделать, он посчитает себя совершенно ущербным и окажется полностью парализованным душевно. Ключевой вопрос звучит так: что в тебе функционирует настолько хорошо, что это не нужно менять? За что ты можешь, образно говоря, ухватиться? И что можно и нужно отбросить и заменить на нечто новое? Мы увидим далее, что вопрос выборочных изменений также является ключевым для переоценки самоощущения государств, угодивших в кризис.

4. Помощь других

Большинство из нас, успешно пережив кризис, усваивают, сколь велика ценность материальной и эмоциональной поддержки со стороны друзей, а также от институционализированных групп поддержки, например, раковых пациентов, анонимных алкоголиков или бывших наркоманов. Очевидными примерами материальной поддержки будут временное проживание для тех, чей брак только что распался; здравомыслие, восполняющее временную утрату способности мыслить ясно у человека, оказавшегося в кризисе; оказание практической помощи в получении информации, предложение новой работы, нового круга общения и новых мер по уходу за ребенком. Эмоциональная поддержка подразумевает умение слушать, умение прояснять суть дела и оказать моральную помощь тому, кто временно лишился надежды и уверенности в себе.

Для пациента клиники кризисной терапии «зов о помощи» неизбежно принадлежит к числу важнейших факторов разрешения кризиса: он обратился в клинику, потому что осознал, что нуждается в помощи. Что касается тех, кто не идет в центры кризисной терапии, такой призыв о помощи может прозвучать рано, поздно – или вообще не прозвучать: некоторые люди усложняют себе жизнь, пытаясь справиться с кризисом исключительно своими силами, без посторонней помощи. Приведу личный пример обращения за помощью вне центра кризис-

ной терапии: когда моя первая жена потрясла меня, наконец-то сообщив, что она хочет развестись, в следующие несколько дней я обзвонил четырех своих ближайших друзей и, что называется, излил им душу. Все четверо меня поняли и выразили сочувствие, поскольку трое сами уже успели развестись, а четвертый сумел сохранить проблемный брак. Пускай мой призыв о помощи не предотвратил развод, в моем случае он оказался первым шагом на долгом пути переоценки отношений и в конечном счете привел меня к счастливому второму браку. Общение с близкими друзьями заставило меня осознать, что я не наделен каким-то уникальным пороком и что семейное счастье для меня в принципе все-таки возможно.

5. Другие люди как образцы

Этой ценности других людей как источников помощи родственна их ценность в качестве образцов альтернативных способов преодоления кризиса. Опять-таки, как известно большинству тех, кто переживал кризис, весьма помогает знакомство с человеком, который благополучно справился с аналогичным кризисом и который олицетворяет собой образец успешного сочетания навыков, заслуживающий подражания. В идеале моделями выступают друзья или другие люди, с которыми вы можете поговорить и от которых можете узнать напрямую, как они разрешали проблемы, схожие с вашими. Впрочем, образцом способен стать и тот, кого вы не знаете лично, но о чьей жизни и способах выживания вы прочитали или услышали. Например, немногие читатели этой книги были лично знакомы с Нельсоном Манделой, Элеонорой Рузвельт или Уинстоном Черчиллем, однако биографии и автобиографии этих людей по сей день служат источниками вдохновения для тех, кто в какой-то момент жизни оказался в состоянии индивидуального кризиса.

6. Сила эго

Фактор, который важен для преодоления кризиса и различается от человека к человеку, представляет собой то, что психологи называют «силой эго». Сюда относится и уверенность в себе, но значение фактора намного шире. Сила эго означает ощущение себя, наличие цели и готовность принимать себя таким, какой ты есть, гордым и независимым человеком, не ищущим одобрения других и не ждущим помощи в выживании. Сила эго охватывает способность справляться с сильными эмоциями, сохранять сосредоточенность при стрессе, выражать себя свободно, трезво воспринимать реальность и принимать обоснованные решения. Эти взаимосвязанные качества необходимы для поиска новых решений и преодоления того парализующего страха, который часто сопровождает ощущение кризиса. Сила эго начинает развиваться в детстве, особенно благодаря родителям, которые ценят ребенка таким, какой он есть, не ждут, что он реализует их мечты, и не ожидают, что он будет вести себя старше или моложе своего возраста. Такие родители помогают детям учиться терпеть разочарование, не дают ребенку все, что ему захочется, но и не лишают его всего на свете. Перечисленные признаки составляют силу эго, которая помогает справляться с кризисом.

7. Честная самооценка

Этот фактор связан с силой эго, но заслуживает отдельного упоминания. Для человека в состоянии кризиса фундаментальным условием правильного выбора является честная, пускай и болезненная, оценка своих сильных и слабых сторон, выявление того, что работает, и того, что перестало работать. Только так возможно выборочно измениться, сохранить свои сильные стороны и заменить слабости новыми альтернативами. Важность честности перед собой для

преодоления кризиса может показаться слишком очевидной, но имеется, между прочим, целый легион причин, по которым люди склонны к самообману.

Честная самооценка была одним из ключевых факторов моего профессионального кризиса 1959 года. Я переоценил свои способности в одном отношении и недооценил их в другом отношении. Что касается переоценки, моя любовь к языкам заставила меня поверить, что у меня наличествуют способности, необходимые для работы переводчиком-синхронистом. Но потом я осознал, что одной только любви к языкам недостаточно, чтобы стать успешным синхронистом. Я рос в США и заговорил на своем первом выученном иностранном языке лишь в 11 лет. Я не жил в странах, где не говорили по-английски, и стал бегло изъясняться на иностранном языке (на немецком) уже в 23 года. С учетом того, что я начал разговаривать на других языках достаточно поздно, мой акцент даже в тех иностранных языках, которыми я владею лучше всего, по-прежнему остается выражено американским. Только когда мне перевалило далеко за семьдесят, я наконец научился быстро «переключаться» между двумя языками, помимо английского. А ведь как синхронисту мне пришлось бы конкурировать со швейцарскими переводчиками, за которых были беглость речи, правильные акценты и простота переключения между несколькими языками едва ли не с восьми лет. В конце концов я был вынужден признать перед самим собой, что обманывал себя, воображая, будто способен превзойти швейцарцев в области перевода.

Другая сторона моей самооценки 1959 года проявилась в том, что я недооценил, а не переоценил свои способности к научным исследованиям. Я чрезмерно обобщил провал своих попыток справиться с технически сложной задачей измерения напряжения на мембранах электрических угрей. При этом мне вполне удалось замерить объемы транспортировки воды желчным пузырем простым методом взвешивания желчного пузыря. Даже сейчас, шестьдесят лет спустя, я все еще использую простейшие научные технологии. Я научился опознавать важные научные вопросы, которые можно решить с помощью простых технологий. Я до сих пор не умею включать наш домашний телевизор посредством 47-кнопочного пульта дистанционного управления и могу выполнять лишь элементарные операции на недавно приобретенном «айфоне»; мне приходится полагаться на секретаря и на жену в общении с компьютером. Всякий раз, когда выпадает исследовательский проект, который требует применения сложной технологии, будь то анализ распространения эпителиального тока, анализ шума мембранных ионных каналов или статистический анализ попарного распределения видов птиц, я стараюсь отыскать коллег, которым под силу выполнить эти анализы и которые готовы сотрудничать со мной.

В итоге я научился честно оценивать, на что, собственно, гожусь.

8. Опыт предыдущих кризисов

Если вам уже доводилось успешно преодолевать какой-то другой кризис в прошлом, это вселяет уверенность относительно того, что и с новым кризисом получится справиться. Противоположностью такому чувству является беспомощность, вырастающая из безуспешных предыдущих попыток совладать с кризисом: мол, что бы я ни делал, все равно ничего не получается. Важность опыта объясняет, почему кризисы оказываются гораздо более травмирующими для подростков и молодых людей, чем для пожилых. Да, разрыв близких отношений может травмировать в любом возрасте, но разрыв первых близких отношений нередко особенно мучителен. Позже, сколь бы ни были болезненны разрывы, человек вспоминает, что однажды пережил и преодолел эту боль. Вот, кстати, почему мой кризис 1959 года был таким травматичным для меня: это был мой первый острый жизненный кризис. Для сравнения – профессиональные кризисы 1980-го и 2000-го годовнисколько меня не травмировали. Я постепенно изменил свою научную карьеру, переключился с физиологии мембран на эволюционную

физиологию около 1980 года и перешел от физиологии к географии после 2000 года. Но эти решения не были болезненными, поскольку я заключил на основании предыдущего опыта, что все, вероятно, будет хорошо.

9. Терпение

Еще одним фактором выступает способность мужественно терпеть неопределенность, двусмысленность результатов и неудачи первых попыток измениться; если коротко, просто терпение. Маловероятно, что человек в состоянии кризиса с первой же попытки обнаружит успешный способ справиться с проблемой. Нет, ему почти наверняка понадобится несколько попыток, придется проверить разные способы, чтобы оценить, помогают ли они преодолеть кризис и совместимы ли они с его личностью; только потом наконец появляется эффективное решение. Люди, которые не способны выносить неопределенность и мириться с неудачами, те, кто сдаются при первых трудностях, как правило, не находят полезных новых способов преодоления проблем. Вот почему мягкий совет моего отца, данный на скамейке в Париже: «Почему бы не отдать еще полгода аспирантуре по физиологии?», стал для меня спасательным кругом. Отец показал мне, что важно терпеть; сам я этого не понимал.

10. Гибкость

Важным элементом в преодолении кризиса посредством выборочных изменений является гибкая личность, обладающая неоспоримым преимуществом перед жесткой, негибкой личностью. «Жесткость» в данном случае означает убежденность в наличии одного-единственного образа действий. Конечно, это препятствует поиску альтернативных путей и замены неудачных старых подходов на успешный новый подход. Жесткость (или ригидность) может быть следствием прошлого, результатом насилия, травмы или воспитания, которое не позволяло ребенку экспериментировать или нарушать принятые в семье нормы. Гибкость может порождаться свободой действий по собственному выбору с самого детства.

Для меня обучение гибкости началось сравнительно поздно, в ходе экспедиций, в которые я начал ездить в двадцать шесть лет, изучая птиц тропических лесов на острове Новая Гвинея. Тщательно составляемые планы почти никогда не исполняются так, как предусматривалось, и Новая Гвинея не была исключением. Самолеты, лодки и автомобили регулярно ломались, падали и тонули; местные жители и правительственные чиновники вели себя не так, как ожидалось, и никого не слушали; мосты и тропы оказывались непроходимыми; горы возникали не там, где показывали карты, и много чего еще было неправильно. Почти каждая экспедиция на Новую Гвинею начиналась с моего намерения сделать то-то и то-то; прилетев на остров, я понимал, что это невозможно, и проявлял гибкость, то есть импровизировал на месте. Когда у нас с Мари наконец появились дети, я понял, что опыт поездок на Новую Гвинею стал чрезвычайно полезной подготовкой к тому, как быть отцом: ведь дети настолько же непредсказуемы, никого не слушают и требуют от родителей максимальной гибкости.

11. Основные ценности

Предпоследний фактор, также связанный с силой эго, можно определить как выявление базовых ценностей, то есть убеждений, которые человек считает основополагающими для своей личности; они лежат в основе морального кодекса и взглядов на жизнь – скажем, вера или верность семье. В кризис необходимо выяснить, где проводить черту при принятии выборочных изменений: какие базовые ценности человек отказывается изменить, поскольку они не подлежат пересмотру? В какой момент вы говорите себе: «Лучше умереть, чем согласиться вот

на это»? Например, многие люди воспринимают семейные обязательства, религию и честность как данность, даже как святыню. Мы склонны восхищаться теми, кто отказывается предавать свой род, лгать, отрекаться от веры или красть ради преодоления кризиса.

Но кризисы могут привести к появлению «серых областей», в которых ценности, ранее мнившиеся неоспоримыми, вдруг оказываются предметом торга с собой. Возьмем очевидный пример: муж или жена, подающие на развод, тем самым решают нарушить семейные обязательства перед супругом. Моральной заповедью «Не укради» узники нацистских концлагерей бестрепетно жертвовали в годы Второй мировой войны: рационы питания были настолько скудными, что выжить, не крадя еду, не представлялось возможным. Многочисленные узники концентрационных лагерей также массово отказывались от своей веры, потому что зло, творившееся вокруг, не удавалось совместить с верой в благое божество. Великий итальянский писатель еврейского происхождения Primo Levi, переживший Освенцим, впоследствии говорил: «Опыт Освенцима для меня был таков, что он смел все наследие моего религиозного образования. Если есть Освенцим, значит, Бога попросту нет. И я не нашел решения этой дилеммы».

Таким образом, базовые ценности могут облегчить или затруднить преодоление кризиса. С одной стороны, они могут послужить человеку «фундаментом» силы и уверенности, на основании чего можно задуматься над изменением себя. С другой стороны, цепляться за базовые ценности, даже когда они явно не соответствуют изменившимся обстоятельствам, равносильно тому, чтобы отказаться от преодоления кризиса.

12. Свобода от ограничений

Последний фактор, который хотелось бы упомянуть, – это свобода выбора, проистекающая из освобождения от практических забот и обязанностей. Намного труднее экспериментировать с новыми решениями, если на твоих плечах лежит груз ответственности за других людей (например, за детей), или если приходится выполнять какую-то важную и сложную работу, или если ты часто подвергаешься физической опасности. Конечно, это не значит, что невозможно справиться с кризисом, когда на тебя давит такое бремя, но оно порождает дополнительные проблемы. В 1959 году мне повезло, что в разгар душевного смятения и попыток выяснить, хочу ли я по-прежнему заниматься наукой, не пришлось бороться с теми или иными практическими ограничениями. Я получал стипендию Национального научного фонда, которая покрывала расходы на обучение и проживание несколько лет; факультет физиологии Кембриджского университета не угрожал меня уволить и даже не требовал сдавать какие-либо экзамены; словом, никто не заставлял сдаваться – кроме меня самого.

* * *

Таковы факторы, которые поведали мне психотерапевты или о которых они писали; факторы, влияющие на результаты индивидуальных кризисов. Как можно использовать эти факторы, перечисленные в таблице 1.1, когда пытаешься осознать результаты общенациональных кризисов?

С одной стороны, конечно, ясно, что государства – не люди. Мы увидим, что общенациональные кризисы ставят множество вопросов – о лидерстве, о коллективных решениях, о национальных институтах и т. д., – которые не возникают в случае индивидуальных кризисов.

С другой стороны, разумеется, столь же очевидно, что индивидуальные механизмы выживания не существуют в отрыве от культуры народа и культуры национальных групп, в которых человек вырос и живет. Эта культура в широком понимании оказывает большое влияние на индивидуальное поведение, на цели, на восприятие реальности и на решение проблем. Следовательно, мы ожидаем обнаружить некоторое сходство между тем, как индивиды справляются

с трудностями, и тем, как государства, то есть коллективы из множества людей, разрешают общенациональные проблемы. К числу таких отношений принадлежит (равно для индивидов и для стран) принятие ответственности за выполнение действий, вместо пассивной беспомощности, свойственной жертвам; осознание кризиса; стремление найти помощь и следовать образцам. Пускай эти простые правила элементарны, однако индивиды и государства, к сожалению, часто склонны игнорировать их или отрицать.

Чтобы установить контекст для способов, в которых поведение государств схоже с поведением людей или отличается от них в преодолении кризисов, проведем следующий мысленный эксперимент. Если сравнивать людей, выбранных наугад по всему миру, выяснится, что эти люди различаются между собой по множеству параметров, которые можно распределить по широким категориям: налицо индивидуальные, культурные, географические и генетические различия. Например, сравним верхнюю одежду во второй половине дня в январе у пяти мужчин – традиционный наряд инуитов, проживающих севернее Полярного круга, одежду двух обыкновенных американцев с улиц моего Лос-Анджелеса, костюм американского президента банка, сидящего в своем кабинете в Нью-Йорке, и традиционный наряд аборигена из тропических лесов Новой Гвинеи. По географическим причинам инуиты будут носить теплые парки, трое американцев наденут рубашки, но не парки, и у жителя Новой Гвинеи вообще не окажется верхней одежды. По культурным причинам президент банка, вероятно, повяжет галстук, но двое парней с улицы в Лос-Анджелесе наверняка будут без галстука. По индивидуальным причинам случайно выбранные на улицах Лос-Анджелеса мужчины наденут, возможно, рубашки разных цветов. Что касается цвета волос, а не верхней одежды, тут вступают в дело генетические факторы.

Теперь проанализируем базовые ценности тех же пяти человек. Хотя найдутся, полагаю, некоторые индивидуальные отличия между тремя американцами, у них гораздо больше общих базовых ценностей, чем у американцев с инуитом или с аборигеном Новой Гвинеи. Такие общие базовые ценности являются всего одним примером культурного фона, общего для членов одного и того же общества, и познаются по мере взросления. Но индивидуальные черты различаются обыкновенно среди людей разных сообществ по причинам, лишь отчасти объяснимым географически (или необъяснимым вообще с этой точки зрения). Если один из двух лос-анджелесских мужчин оказался президентом Соединенных Штатов Америки, его культурные базовые ценности – например, отношение к правам и обязанностям индивида – безусловно, скажутся на государственной политике США.

Смысл этого мысленного эксперимента состоит в том, что мы ожидаем увидеть некую связь между индивидуальными характеристиками и характеристиками государства, поскольку людей объединяет общая культура и поскольку государственные решения в конечном счете зависят от взглядов отдельных людей, в особенности от взглядов лидеров и руководителей, которые участвуют в формировании национальной культуры. Что касается стран, обсуждаемых в данной книге, позиция лидеров оказалась особенно важна для Чили, Индонезии и Германии.

В таблице 1.2 перечислены факторы, которые будут обсуждаться в настоящей книге применительно к исходам общенациональных кризисов. Сравнение с таблицей 1.1, где приводятся факторы, признанные психотерапевтами как связанные с результатами индивидуальных кризисов, показывает, что большинство факторов одного списка находит узнаваемые аналоги в факторах другого.

Таблица 1.2. Факторы, связанные с исходом общенациональных кризисов

1. Общее признание того, что страна находится в кризисе
2. Признание общей ответственности за действия
3. Возведение забора для выделения общенациональных проблем, которые необходимо решить

4. Получение материальной и финансовой помощи от других государств
5. Использование других государств как образцов решения проблем
6. Национальная идентичность
7. Честная самооценка
8. Исторический опыт предыдущих общенациональных кризисов
9. Осознание прошлых неудач
10. Ситуационная гибкость на общенациональном уровне
11. Общенациональные базовые ценности
12. Свобода от геополитических ограничений

Как минимум для семи из дюжины факторов параллели очевидны.

Фактор № 1. Государства, как и индивиды, признают или отрицают состояние кризиса. Но признание со стороны государства требует некоторой степени общенационального согласия, тогда как индивид признает или отрицает кризис самостоятельно.

Фактор № 2. Государства и индивиды берут на себя общую или индивидуальную ответственность за меры по решению проблем – либо отвергают эту ответственность вследствие жалости к себе, начинают обвинять других и принимают роль жертвы.

Фактор № 3. Государства осуществляют выборочные изменения в своих институтах и политиках посредством «возведения заборов» для разграничения тех институтов / политик, которые требуют перемен, и тех, которые нужно сохранить в неизменном виде. Люди также «возводят заборы» для реализации выборочных изменений в отдельных индивидуальных качествах.

Фактор № 4. Государства и индивиды могут получать материальную и финансовую помощь от других стран и индивидов. При этом индивидам (но не государствам) доступна также эмоциональная поддержка.

Фактор № 5. Государства могут моделировать свои институты и политики по образцам других стран, как люди могут подражать в способах преодоления кризиса другим людям.

Фактор № 7. Государства и индивиды прибегают к честной самооценке (или отвергают ее). Здесь необходима определенная степень общенационального консенсуса, а вот индивид выполняет (или не выполняет) эти действия самостоятельно.

Фактор № 8. Государства обладают историческим опытом, тогда как индивиды располагают личными воспоминаниями о предыдущих общенациональных или индивидуальных кризисах.

В двух случаях соответствие между факторами является более общим и менее конкретным.

Фактор № 9. Государства отличаются тем, как справляются с неудачами, и их готовностью искать иные способы решения проблем, если первая попытка не удалась. Оцените, к примеру, радикально различную реакцию на военное поражение со стороны Германии после Первой мировой и после Второй мировой войн, Японии после Второй мировой войны и США после Вьетнамской войны. Индивиды также отличаются своим восприятием неудач как таковых или первоначальных неудач, и мы часто ссылаемся на такую индивидуальную характеристику, как «терпение».

Фактор № 12. Государства сталкиваются с различными ограничениями свободы выбора по ряду причин, прежде всего в силу географического положения, национального богатства и военно-политического могущества. Индивиды также подвержены ограничениям свободы выбора, но по совершенно другим причинам, например, в связи с обязанностями по уходу за ребенком, из-за работы или из-за индивидуального дохода.

Наконец применительно к оставшимся трем факторам индивидуальные факторы выступают как метафоры для «государственных» факторов.

Фактор № 6. Психологи подробно обсуждают такой признак человеческой личности, как «сила эго». Эта характеристика применима только к индивидам; нельзя говорить о силе общенационального эго. Однако у государств имеется особенность, которую принято называть национальной идентичностью. Эту особенность мы будем часто обсуждать, поскольку она играет роль такого общенационального аналога силы эго у индивидов. Национальная идентичность охватывает те особенности языка, культуры и истории, которые делают данную страну уникальной среди прочих, которые поддерживают национальную гордость и которые являются общими для граждан этой страны.

Фактор № 10. Еще одна черта индивидов, подробно описанная психологами, – это индивидуальная гибкость (и ее противоположность, индивидуальная жесткость). Эта черта присуща человеческому мышлению, она не определяется ситуативно. Например, если человек твердо придерживается правила никогда не одалживать деньги друзьям, но в остальном гибок в своем поведении, его никто не назовет жестким в поведении. Ригидная личность проявляется в строгом следовании неким правилам в большинстве случаев. Сложно сказать, присуща ли государствам аналогичная жесткость в большинстве ситуаций. К примеру, возникни у нас изначально желание охарактеризовать Японию или Германию как «ригидные» страны, мы обнаружим, что оба государства проявляли чрезвычайную гибкость в некоторые периоды своей истории (см. подробнее главы 3 и 6 соответственно). Зато государственная гибкость вполне может быть ситуативной, в отличие от индивидуальной гибкости. Мы вернемся к этому вопросу в эпилоге.

Фактор № 11. Люди обладают индивидуальными базовыми ценностями, будь то честность, целеустремленность, религия или семейные связи. Государства же располагают тем, что можно назвать общенациональными базовыми ценностями, и некоторые из них пересекаются с индивидуальными ценностями (скажем, честность и религия). Общенациональные базовые ценности связаны с национальной идентичностью, но не идентичны последней (прошу прощения за невольную игру слов). Например, язык Шекспира и Теннисона является элементом британской национальной идентичности, но Теннисон вовсе не был той причиной, по которой Великобритания отказывалась вести переговоры с Гитлером даже в самые страшные часы мая 1940 года²⁰. Отказ Великобритании от переговоров опирался на базовую ценность: «Мы никогда не сдадимся».

Как я уже упоминал в прологе, общенациональные кризисы ставят дополнительные вопросы, которые представляют собой в лучшем случае отдаленные аналогии вопросов по индивидуальным кризисам. Сюда относятся:

- важнейшая общенациональная роль политических и экономических институтов;
- вопросы о роли национального лидера или лидеров в преодолении кризиса;
- общие вопросы коллективного принятия решений;
- вопрос о том, ведет ли общенациональный кризис к выборочным изменениям путем мирного урегулирования или насильственной революции;
- вопрос о том, происходят ли различные типы общенациональных изменений одновременно, как бы в рамках единой программы, или осуществляются по отдельности и в разное время;
- вопрос о том, вызывается ли общенациональный кризис внутренними событиями в стране или оказывается следствием внешнего шока;
- проблема достижения примирения (особенно после кризиса, связанного с войной или массовыми убийствами) между сторонами, которые участвовали в конфликте; то есть примирение между группами внутри страны или между конкретной страной и ее соседями.

²⁰ Имеются в виду разногласия в британском «военном» кабинете министров, достигшие пика в конце мая 1940 г. Министр иностранных дел лорд Галифакс требовал заключить перемирие с Гитлером, поскольку Франция вот-вот падет; панические настроения усугублялись катастрофической эвакуацией из Дюнкерка. Но премьер-министр У. Черчилль сумел настоять на продолжении войны.

Чтобы приступить к обсуждению этих вопросов, в следующей главе я опишу первый из двух примеров общенационального кризиса, возникшего внезапно вследствие нападения другой страны. Мы увидим, что Финляндия, восхищение языком которой сыграло столь важную роль в моем личном кризисе 1959 года, продемонстрирует многие факторы, связанные с исходом общенациональных кризисов.

Часть вторая. Государства: кризисы в пространстве и времени

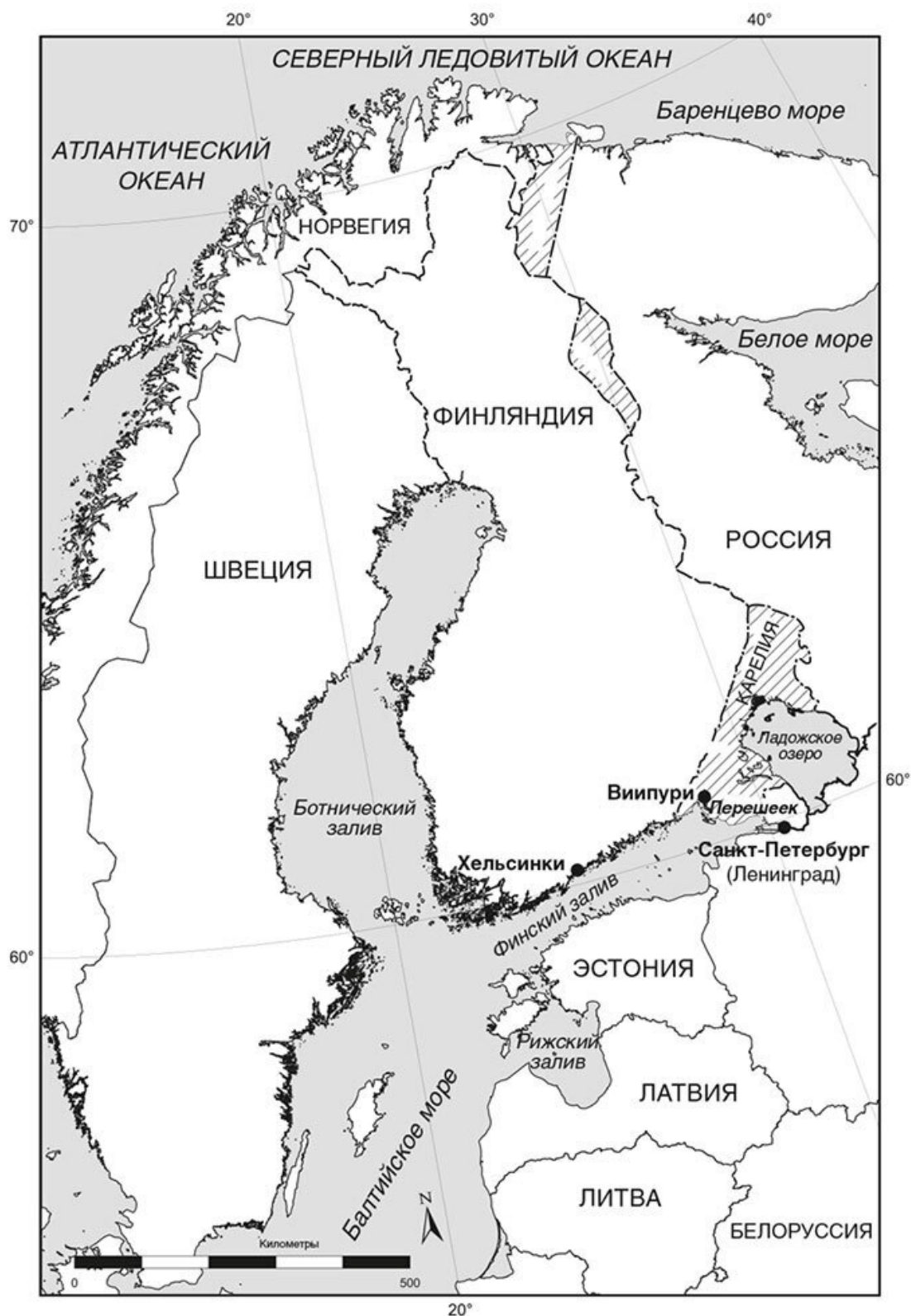

Рис. 2. Карта Финляндии

Глава 2. Война Финляндии с Советским Союзом

В гостях у финнов. – Язык. – Финляндия до 1939 года. – Зимняя война. – Окончание Зимней войны. – Война-продолжение. – После 1945 года. – По канату над пропастью. – Финляндизация. – Кризисная структура

Финляндия – скандинавская (североевропейская) страна всего с 6 миллионами человек населения, которая граничит со Швецией на западе и Россией на востоке. Накануне Первой мировой войны она являлась автономной областью России и не обладала суверенитетом²¹. Она прозябала в бедности, почти не удостоивалась внимания народов Европы и оставалась едва известной за пределами европейского континента. К началу Второй мировой войны Финляндия получила независимость, но была по-прежнему бедна, а ее экономика продолжала фокусироваться на сельском хозяйстве и дарах леса. Сегодня Финляндия славится по всему миру разработкой передовых технологий и развитием промышленности, она встала в ряд богатейших стран мира, и средний доход на душу населения в ней сопоставим с доходом граждан Германии и Швеции. Его безопасность зиждется при этом на парадоксальном факте: будучи либеральной социал-демократией, эта страна на протяжении многих десятилетий поддерживала крепкие и доверительные отношения с коммунистическим Советским Союзом – а ныне поддерживает такие же отношения с авторитарной Россией. Подобное сочетание несочетаемого являет собой замечательный пример выборочных изменений.

Если вы впервые в Финляндии и вам хочется понять финнов и их историю, начните с посещения кладбища Хиетаниemi, крупнейшего в финской столице Хельсинки. В отличие от Соединенных Штатов Америки, где принято хоронить воинов на Арлингтонском национальном кладбище за пределами Вашингтона и на других специализированных ветеранских кладбищах по всей стране, Финляндия не организует отдельных военных кладбищ. Вместо этого павших солдат хоронят на гражданских кладбищах в тех местах, откуда они были родом. Именно поэтому немалая часть кладбища Хиетаниemi отведена упокоению солдат из Хельсинки. Это почетное место, которое легко найти, чуть поднявшись от могил президентов Финляндии и других политических лидеров, а в центре находится памятник фельдмаршалу Финляндии²² Карлу Густаву Маннергейму (1867–1951).

Еще на подходе к кладбищу Хиетаниemi в глаза бросаются совершенно непонятные таблички с названиями улиц и рекламные щиты (см. источник 2.1). Почти во всех других европейских странах, даже не зная местного языка, вы сможете распознать отдельные слова, поскольку большинство европейских языков, включая английский, принадлежит к индоевропейской языковой семье, а все индоевропейские языки имеют общие корни для многих слов. Даже в Литве, Польше и Исландии возможно опознать некоторые слова на уличных вывесках и рекламных щитах. Но финские слова в основном покажутся абракадаброй, ибо финский относится к небольшому числу тех языков Европы, что никак не связаны с индоевропейской языковой семьей²³.

На самом кладбище Хиетаниemi вас наверняка поразит простота и красота дизайна. Финляндия известна по всему миру своими архитекторами и декораторами, которые отлично умеют добиваться красоты простыми способами. В первый мой визит в Финляндию, помнится, меня пригласили пройти в гостиную одного из домов, и я сразу подумал: «Это самая красивая комната, какую я когда-либо видел!» Потом, правда, я начал недоумевать, откуда взялось это

---

²¹ Следует отметить, что первоначально Великое княжество Финляндское обладало весьма значительной автономией, но впоследствии были введены достаточно суровые ограничения (вплоть до военного правления в 1910-х гг.).

²² Так у автора. Более корректно – «фельдмаршал финской армии». С июня 1942 г. Маннергейм носил почетное звание (не означавшее встраивания в цепочку военного командования) маршала Финляндии.

²³ Финский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи.

впечатление: ведь комната представляла собой почти пустой прямоугольник с несколькими простыми предметами обстановки. Но материалы и форма комнаты, заодно с теми немногочисленными предметами мебели, были сугубо финскими в своей простоте и красоте.

Вас может шокировать количество погибших финских солдат, которые похоронены или о которых вспоминают на кладбище Хиетаниemi. Я насчитал более 3000 именных надгробий тех, чьи тела удалось найти и опознать; эти надгробия тянутся полукругом, ряд за рядом. На границе этого участка кладбища с именными надгробиями расположена стена высотой около четырех футов (и несколько сот футов в длину); на ней закреплены 55 табличек с солдатскими именами – я насчитал 715 имен: это те, кто считается «пропавшими без вести», потому что их прах не нашли и не вернули домой. Еще один «коллективный» монумент, уже без имен, поставлен в память о бесчисленном множестве финнов, погибших в вражеских тюрьмах. При этом все похороненные на Хиетаниemi солдаты были родом из Хельсинки; такие же участки отводятся под воинские захоронения на кладбищах каждого финского города и каждого прихода. Тут вы начинаете понимать, сколько финнов пали жертвами войны.

Прогуливаясь среди надгробий Хиетаниemi, вы поразитесь памятным надписям. Конечно, большая часть написанного останется непонятной, поскольку все тексты приводятся на финском языке, но по всему миру надгробия, как правило, одинаковы, и язык тут не важен: имя умершего, дата и место его рождения, дата и место смерти. Такой формат легко распознать на надгробиях финских кладбищ. На воинском захоронении Хиетаниemi все даты смерти приходятся на промежуток с 1939 по 1944 год, то есть на годы Второй мировой войны. Большинство дат рождения – это 1920-е и 1910-е годы, из чего следует, что, как можно было ожидать, погибали в основном 20-летние солдаты. Но вас наверняка удивят те надгробия, по которым понятно, что кое-кому из погибших было за 50 – или намного меньше двадцати. Например, Йохан Виктор Пальстен родился 4 августа 1885 года и погиб 15 августа 1941 года, через 11 дней после своего 56-го дня рождения. Клара Лаппалайнен родилась 30 июля 1888 года и погибла 19 октября 1943 года в возрасте 55 лет. Школьник Лаури Марти Хямялайнен родился 22 июля 1929 года, пошел на фронт и был убит 15 июня 1943 года в возрасте 13 лет, за пять недель до своего 14-го дня рождения. Почему же Финляндия призывала в солдаты не только двадцатилетних, что привычно, но мужчин и женщин старше 50 лет, а также подростков (см. источник 2.2)?

Изучая даты и места смерти на надгробных камнях, вы заметите, что гибель выпадала в основном на сжатые промежутки времени и на конкретные места. Наибольшее количество смертей случилось в конце февраля – начале марта 1940 года, следующая дата – август 1941 года, а следующая – июнь-август 1944 года. На многих надгробиях местом смерти указано Виипури²⁴ – или, как подскажет вам финский сопровождающий, селения рядом с Виипури, скажем, Сювари, Каннас или Ихантала. Поневоле задумываешься, что именно происходило в этом Виипури и почему так много финнов погибло там за столь короткий промежуток времени?

Объяснение следующее: Виипури был вторым по величине городом Финляндии, пока его не передали СССР вместе с десятой частью территории страны после жестокой войны зимой 1939/1940 года (а затем второй войны, с 1941 по 1944 год). В 1939 году Советский Союз выдвинул территориальные претензии к четырем балтийским странам – Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве. Финляндия единственная отвергла эти требования, несмотря на то, что СССР имел огромную армию, а по численности населения превосходил Финляндию почти в 50 раз. Финны дали столь суровый отпор, что им удалось сохранить свою независимость, хотя выживание их нации оставалось под большим сомнением из-за череды кризисов, что растянулась на десятилетие. Самые тяжелые потери были понесены в три «пиковых» периода: когда Красная армия наступала на Виипури в феврале-марте 1940 года, когда финны захватили Виипури в

²⁴ Современный Выборг.

августе 1941 года и когда Красная армия снова атаковала Виипури летом 1944 года (см. источники 2.3 и 2.4).

Число погибших в войне против СССР финнов составило почти 100 000 человек, в основном мужчин. Для современных американцев и японцев, а также европейцев не финского происхождения, которым памятли почти мгновенные смерти 100 000 человек при каждом взрыве атомных бомб и при «обычных» бомбежках городов (Хиросима, Гамбург и Токио) и которые помнят о 20 миллионах жертв, понесенных Советским Союзом и Китаем в ходе Второй мировой войны²⁵, число погибших за пять лет финнов может показаться весьма скромным. Но это 2,5 % населения Финляндии того времени, составлявшего 3 700 000 человек, и 5 % от общего числа финских мужчин. Для сравнения вообразите, что 9 000 000 американцев погибли бы в ходе какой-нибудь сегодняшней войны – это почти в 10 раз больше совокупного количества смертей во всех войнах за 240-летнюю историю США. Мое последнее посещение кладбища Хиетаниemi пришлось на воскресенье, 14 мая 2017 года. Пускай на воинском участке кладбища кого-либо захоранивали более 70 лет назад (в 1944 году), я увидел свежие цветы на многих могилах и целые семьи, гулявшие среди могил. Я заговорил с семьей из четырех человек, из которых самый старший выглядел от силы лет на сорок с небольшим. Судя по всему, погибший солдат, на чью могилу они пришли, не мог быть им отцом – скорее, дедом или даже прадедом. Когда я упомянул, что меня удивило это уважение памяти и свежие цветы, мне объяснили: «У каждой финской семьи здесь кто-то похоронен».

В первый раз я приехал в Финляндию летом 1959 года, всего через 15 лет после окончания советско-финляндской войны и всего через четыре года после того, как СССР вывел свою военную базу из-под Хельсинки²⁶. Моими финскими хозяевами оказались ветераны, вдовы и дети войны против Советского Союза, а еще мне довелось пообщаться с финскими солдатами на действительной службе. Они рассказывали о своей жизни и вспоминали недавнюю историю своей страны. К тому времени я в достаточной степени освоил замечательный финский язык, чтобы вести себя как опытный турист, оценить, насколько язык способствует самоощущению уникальности финнов (и насколько он причастен к моему персональному жизненному кризису, о котором шла речь в предыдущей главе). Для тех моих читателей, кому до сих пор не посчастливилось побывать в Финляндии, напомним ряд особенностей этой моей книги, посвященной кризисам и переменам: мы говорим о финской национальной гордости за свою идентичность, об ультрареалистичной оценке финнами своего геополитического положения, о сложившейся в итоге парадоксальной комбинации выборочных изменений, упомянутых выше, и об отсутствии у Финляндии свободы выбора, отсутствии помощи от союзников в критический момент и отсутствие доступных успешных моделей преодоления кризиса.

* * *

Финляндия отождествляет себя со Скандинавией и считается частью Скандинавии. Многие финны – это голубоглазые блондины, похожие на шведов и норвежцев. Генетически финны на самом деле на 75 % принадлежат к скандинавским народам, как те же шведы и норвежцы, и лишь на 25 % унаследовали гены захватчиков с востока²⁷. Но география, язык и культура отли-

²⁵ На недавних парламентских слушаниях в Государственной думе было заявлено, что безвозвратные потери СССР в результате военных действий составили более 19 миллионов военнослужащих и около 23 миллионов гражданского населения. В 2011 г. межведомственная комиссия по подсчету потерь в годы Великой Отечественной войны назвала цифру в 26,6 млн человек (в том числе 8,6 млн военнослужащих). По официальной китайской статистике, потери Китая с 1939 по 1945 г. составили около 14 млн человек (из них около 4 млн военнослужащих).

²⁶ Имеется в виду полуостров Порккала в 30 км от Хельсинки.

²⁷ По исследованиям современных финских ученых, подавляющее большинство финнов происходит от небольшой популяции уральских (не протоиндоевропейских) племен, но финны участвовали, судя по генетическим данным, в этногенезе

чают финнов от прочих скандинавов, и они гордятся этими отличиями. Что касается географии, в описаниях Финляндии финнами неизменно звучат два утверждения: «Мы маленькая страна» и «Наша география никогда не изменится». Последняя фраза означает, что сухопутная граница Финляндии с Россией (или с ее предыдущим «воплощением», с СССР) длиннее любой другой европейской границы. По сути, Финляндия является буферной зоной между Россией и остальной Скандинавией.

Все почти 100 локальных языков Европы родственны между собой и относятся к индоевропейской языковой семье, за исключением изолированного баскского языка²⁸ – и еще четырех: финского, близкородственного ему эстонского, а также состоящих в отдаленном родстве с финским венгерского и саамского языков. Перечисленные языки принадлежат к финно-угорской языковой группе. Финский язык очень красив и является средоточием национальной гордости и самобытности Финляндии. Национальный финский эпос «Калевала»²⁹ для местного самосознания значим, пожалуй, даже больше, чем пьесы Шекспира для носителей английского языка. Для посторонних финский язык не просто красив и схож с песней, но и весьма труден в освоении. Прежде всего трудность доставляет лексикон, поскольку слова финского языка не имеют знакомых индоевропейских корней. В результате большинство финских слов приходится запоминать, что называется, с нуля.

Также освоение финского языка изрядно затрудняют его фонетика и грамматика. Буква *k* широко распространена в финском языке: из 200 страниц моего финско-английского словаря 31 страница отведена словам, которые начинаются с *k*. (Попробуйте посмаковать эти строки из «Калевалы»: «Kullervo, Kalervon poika, sinisukka aijon lapsi, Hivus Keltainen, korea, kengan kauto kaunokainen»³⁰.) Ничего не имею против буквы *k*, но, увы, в финском языке, в отличие от английского, часто встречаются двойные согласные (например, *kk*), которые произносятся иначе, нежели одиночные согласные (например, *k*). Эта особенность финского произношения сильно мешала моим терпеливым финским хозяевам понимать меня, когда я произносил короткие речи по-фински (к счастью, такое случалось редко). Неумение разделять в речи одинарные и двойные согласные может обернуться серьезными проблемами. Например, финский глагол «встретиться» (*taraa*) произносится с одним *r*, а глагол «убивать» (*tappa*) произносится с двойным *r*. То есть вы просите финна встретиться с вами, но по ошибке удваиваете *r*, и не исключено, что вас убьют.

Еще в финском языке встречаются так называемые короткие и длинные гласные. Например, граница по-фински – *raja* с коротким первым *a*, а вот ногу или руку (конечность) называют *gaaja* с долгим первым *a*, и потому меня неправильно поняли, когда я очутился возле границы национального парка и по ошибке удлинил первую гласную в попытке упомянуть границу. Три финские гласные, *a*, *o* и *u*, используются в двух формах, произносятся либо задней, либо передней частью нёба, а на письме передаются соответственно как *a* и *ä*, *o* и *ö*, *u* и *y*. В одном слове все три гласные должны быть или «задними», или «передними», поскольку тут присутствует, как говорят лингвисты, гармония гласных. Например, финское слово «ночь», которое я часто употреблял, желая спокойной ночи, имеет только «передние» гласные (*yö*), тогда как слово «речное русло» включает только «задние» гласные (*uoma*).

шведов (однако не норвежцев) наряду с саамами.

²⁸ Баскский язык не входит в число индоевропейских и ни в какую другую языковую семью, поэтому его характеризуют как псевдо-изолированный («псевдо-», поскольку подразумевается принадлежность этого языка к протосемье средиземноморских языков).

²⁹ Не лишним будет напомнить, что «Калевала» в законченном виде представляет собой обработку карельских и финских народных песен (рун), выполненную фольклористом Э. Леннротом. Эти разрозненные песни сам Леннрот и другие исследователи записывали преимущественно на севере России (Архангельская область и Карелия) и лишь частично – в финской Карелии.

³⁰ В переводе Л. Бельского: «Калервы сын, Куллервойнен, / Юноша в чулочках синих, / Стройный, золотоволосый, / В башмачках красивой кожи». Руна 32.

Если вас приводят в замешательство четыре падежа немецкого языка или шесть падежей латыни, вы ужаснетесь, узнав, что в финском языке имеется целых 15 падежей, многие из которых заменяют предлоги в английском. Одно из самых восхитительных моих воспоминаний о первом посещении Финляндии – это финский солдат, не говоривший по-английски и изъяснявшийся исключительно на финском, который взялся учить меня шести финским локативам (замещающим английские предлоги и наречия «на», «в», «снаружи», «внутри» и пр.); он указывал на стол (pöytä) на котором (pöydällä, гармония гласных!) стояла чашка, а в столе (pöydässä) торчал гвоздь, потом ставил чашку на стол (pöydälle) и убирал со стола (pöydältä), вгонял гвоздь в дерево (pöytään) и вынимал обратно (pöydästä).

Среди множества падежей финского иностранцам труднее всего справиться с винительным и разделительным падежами. В латыни и немецком, где нет разделительного падежа, все объекты выражаются винительным падежом: «Я ударил по мячу» (ich schlage den Bal). Но в финском языке, когда описывается действие применительно к чему-либо, нужно решить, относится ли глагол к предмету в целом (тогда употребляется винительный падеж) или только к части объекта (тогда употребляется разделительный падеж). Возможно, достаточно просто сообразить, бьешь ты по всему мячу или по какой-то его части. Но гораздо труднее понять, какой падеж, винительный или разделительный, использовать, если речь идет о некоторой абстракции. Например, вам в голову пришла мысль; финский язык требует от вас решить, речь об идее целиком или о ее части, потому что только так становится ясно, употребить винительный или разделительный падеж. Одним из моих финских хозяев в 1959 году оказался шведский финн, родным для него был шведский, но он свободно говорил по-фински. Тем не менее, он не мог устроиться на работу в государственные учреждения Финляндии, поскольку для этого требовалось сдавать экзамены как на шведском, так и на финском языке. Он поведал мне, что в 1950-х, если ты допустил единственную ошибку в выборе между винительным и разделительным падежом, экзамен считался проваленным, и на работу тебя не брали.

Все эти особенности способствуют обособлению финского языка, его превращению в предмет национальной гордости, ведь на нем не говорит почти никто, кроме самих финнов. Финский язык сформировал ядро финской национальной идентичности, за которую столько финнов было готово погибнуть в войне против Советского Союза.

Другие составляющие национальной идентичности Финляндии – это ее композиторы, ее архитекторы и дизайнеры, а также бегуны на длинные дистанции. Финский музыкант Ян Сибелиус считается одним из величайших композиторов XX столетия. Финские архитекторы и дизайнеры интерьеров известны во всем мире. (Американцы могут вспомнить арку в Сент-Луисе, аэропорт Даллеса в Вашингтоне и терминал TWA в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке; все перечисленное проектировал архитектор Эро Сааринен, финн по происхождению.) После Первой мировой войны, когда на карте мира по воле победителей-союзников появилось много новых стран (включая Финляндию), Финляндия прославилась как родина Сибелиуса и самого известного финского рекордсмана, бегуна Пааво Нурми по прозвищу Летучий Финн. На Олимпийских играх 1924 года он выиграл с олимпийским рекордом забег на 1500 метров, через час победил в забеге на 5000 метров, два дня спустя стал первым в беге на 10 000 метров по пересеченной местности, а на следующий день после этого первенствовал на дистанции 3000 метров. Его мировой рекорд в беге на милю держался восемь лет. Даже стали поговаривать, что Нурми и прочие финские бегуны «затащили Финляндию на карту мира». Все эти достижения также способствовали осознанию финнами своей самобытности и национальной идентичности – и укрепляли их решимость сражаться против СССР, вопреки подавляющему превосходству последнего.

* * *

Носители протофинского языка пришли на территорию современной Финляндии в доисторические времена, несколько тысяч лет назад. В исторические времена, то есть с появлением первых письменных сведений о Финляндии около 1100 года нашей эры, на эту территорию притяжали Швеция и Россия. Финляндия осталась в основном под контролем Швеции, пока Россия не аннексировала ее в 1809 году. На протяжении большей части XIX столетия русские цари предоставляли Финляндии значительную автономию, там был собственный парламент, собственная администрация, своя валюта, а русский язык населению не навязывали. Но после восшествия на престол Николая II в 1894 году и назначения губернатором жестокого человека по фамилии Бобриков³¹ (был убит финном в 1904 году) российское правление стало больше походить на гнет. Потому, когда ближе к окончанию Первой мировой войны в России произошла большевистская революция 1917 года, Финляндия провозгласила независимость.

В стране началась ожесточенная гражданская война, в ходе которой консервативные финны («белофинны»), то есть финские части, обученные в Германии и опиравшиеся на поддержку немецких войск, высадившихся в Финляндии, сражались с финнами-коммунистами («красные финны»), а также против русских войск, что еще дислоцировались на финской территории. Когда белофинны отмечали свою победу в мае 1918 года, они расстреляли около 8000 красных финнов, а еще 20 000 их противников умерли от голода и болезней, что бушевали в концентрационных лагерях. Если считать по проценту населения, погибшего за месяц, гражданская война в Финляндии оставалась наиболее кровопролитным гражданским конфликтом в истории до руандийского геноцида 1994 года. Это кровопролитие могло бы расколоть новое государство, но произошло быстрое примирение, выживших левых полностью восстановили в политических правах, и к 1926 году выходец из левых стал премьер-министром Финляндии. Но воспоминания о гражданской войне внушили финнам страх перед Россией и коммунизмом, что не могло не сказаться на отношениях Финляндии с Советским Союзом.

В 1920-х и 1930-х годах Финляндия продолжала опасаться России, успевшей к тому времени сделаться Союзом Советских Социалистических Республик. Идеологически эти страны были прямой противоположностью друг другу: либеральная капиталистическая демократия в Финляндии противостояла репрессивной коммунистической диктатуре в СССР. Финны помнили, как Россия их угнетала при последнем царе. Они боялись, что Советский Союз будет стремиться вернуть себе Финляндию – например, станет поддерживать финских коммунистов, которые хотят свергнуть законное правительство. Они с беспокойством наблюдали за сталинским террором и параноидальными чистками 1930-х годов. Больше всего финнов тревожило активное строительство аэродромов и железнодорожных линий в малонаселенных районах СССР к востоку от финской границы. Среди железнодорожных веток имелись и те, что вели в направлении Финляндии; они заканчивались в лесах недалеко от границы и явно предназначались, как казалось, для будущего вторжения в Финляндию.

В 1930-х годах Финляндия начала модернизировать армию и укреплять оборону под руководством генерала Маннергейма, который командовал войсками белофиннов в годы гражданской войны. Многие финны добровольно участвовали летом 1939 года в постройке главной линии обороны страны, так называемой линии Маннергейма, на Карельском перешейке, что отделял юго-восточную Финляндию от Ленинграда, ближайшего и второго по величине города СССР. Германия при Гитлере активно перевооружалась и все сильнее расходилась в своей политике с Советским Союзом, а Финляндия пыталась сохранять нейтралитет, игнорировать

---

³¹ Генерал-губернатор Финляндии и командующий войсками Финляндского военного округа Н. И. Бобриков активно проводил в Великом княжестве политику принудительной русификации, игнорируя финскую автономию.

агрессивность СССР и уповать на то, что с восточной стороны ей ничто не угрожает. Советский Союз, в свою очередь, с подозрением относился к своему буржуазному соседу, который одолел коммунистов в ходе гражданской войны с помощью немецких войск.

У Финляндии имелись веские географические и исторические причины беспокоиться по поводу отношений с СССР, а у Советского Союза были свои веские географические и исторические причины для беспокойства относительно Финляндии. Перед Второй мировой войной советско-финская граница пролегла всего в 30 милях к северу от Ленинграда (см. карту выше). Немецкие войска уже воевали в Финляндии против коммунистов в 1918 году; британские и французские силы уже входили в Финский залив для блокады Ленинграда³² или нападения на город (до революции и ныне этот город звался и зовется Санкт-Петербургом) в Крымскую войну 1850-х годов; а Франция построила большую крепость в гавани Хельсинки в 1700-х годах, готовясь к нападению на Петербург. В конце 1930-х годов сталинский страх перед гитлеровской Германией усилился, и на это имелись все основания. Коммунисты и нацисты клеймили друг друга в своей пропаганде. Гитлер в автобиографии «Майн кампф» писал, что Германия должна расширяться на восток, то есть на территорию СССР. Сталин видел, как гитлеровская Германия поглотила Австрию в марте 1938 года, захватила Чехословакию в марте 1939 года и начала угрожать Польше. Но Франция, Великобритания и Польша отвергли предложение Сталина вместе выступить на защиту Польши от растущей немецкой угрозы.

В августе 1939 года Финляндию и весь остальной мир ошеломила новость о том, что Гитлер и Сталин внезапно покончили с пропагандистской войной и подписали германо-советский пакт о ненападении, так называемый пакт Молотова – Риббентропа. Финны подозревали (и были правы), что этот пакт содержит секретные соглашения по разделу сфер влияния, причем Германия признает, что Финляндия относится к советской сфере. За подписанием пакта было последовало немецкое вторжение в Польшу, а затем, через несколько недель, СССР оккупировал восточные польские земли. Сталин по понятным причинам хотел отодвинуть советскую границу как можно дальше на запад, чтобы защититься от немецкой угрозы.

В октябре 1939 года Советский Союз, по-прежнему страшась немецкой агрессии, решил перенести большую часть своей западной границы как можно дальше на запад. Опираясь на временное перемирие по пакту Молотова – Риббентропа, СССР выдвинул ультиматумы своим четырем балтийским соседям: так называемым прибалтийским республикам (Литва, Латвия и Эстония), а также Финляндии. От балтийских республик потребовали размещения советских военных баз на их территории и права переброски войск на эти базы. Хотя размещение войск означало фактическую оккупацию, республики были настолько малы, что сочли сопротивление безнадежным. Они согласились на все требования и были аннексированы СССР в июне 1940 года. Ободренный этим успехом, в начале октября 1939 года Советский Союз выставил два требования Финляндии. Во-первых, советско-финскую границу на Карельском перешейке предлагалось отодвинуть дальше от Ленинграда, чтобы обезопасить город от обстрелов и захвата (если бы немецкие войска снова очутились в Финляндии, как уже случилось в 1918 году). Угрозы нападения самой Финляндии на Советский Союз не существовало, но шанс вторжения какой-либо крупной европейской державы через Финляндию выглядел вполне реальным. Во-вторых, СССР потребовал от Финляндии разрешения создать военно-морскую базу на южном побережье страны, недалеко от Хельсинки, и уступить несколько малых островов в Финском заливе.

Тайные переговоры между Финляндией и Советским Союзом продолжались в течение октября и ноября 1939 года. Финны были готовы пойти на некоторые уступки, но не собирались уступать всем требованиям, хотя генерал Маннергейм убеждал финское правительство

³² Так у автора. Сводный англо-французский флот на самом деле пытался блокировать русский Балтийский флот и морские крепости в Кронштадте и Свеаборге (совр. Суоменлинна под Хельсинки).

поддаться давлению: он осознавал слабость финской армии и (как бывший генерал-лейтенант российской царской армии) отлично понимал географические причины советских требований. Впрочем, представители всех политических движений – левые и правые, красные и белые, противники в гражданской войне – единодушно отказались идти на компромисс. Все финские политические партии поддержали эту позицию правительства страны (а в Великобритании, между прочим, в июле 1940 года ведущие политики высказывались за переговоры с Гитлером, чтобы «купить мир»).

Одной из причин единодушия финнов был страх, что истинной целью Сталина является полная оккупация Финляндии. Они опасались, что согласие на сравнительно скромные советские требования обернется для страны необходимостью покорно мириться со все более суровыми условиями. Уступка оборонительной линии на Карельском перешейке облегчила бы Советскому Союзу вторжение в Финляндию по суше, а советская военно-морская база под Хельсинки позволила бы устроить бомбардировки столицы Финляндии с суши и с моря. Финны извлекли урок из участи Чехословакии, которую в 1938 году принудили передать Германии Судетскую область с ее оборонительными сооружениями, вследствие чего Германия беспрепятственно оккупировала всю страну в марте 1939 года.

Второй причиной, по которой финны не пошли на компромисс, было ошибочное убеждение, что Сталин просто блефует и согласится в итоге на меньшее. К слову, Сталин тоже просчитался, полагая, что финны тянут время и стараются выгадать что-то для себя. Он не мог вообразить, что крошечная страна окажется настолько сумасшедшей, чтобы выступить против державы с населением почти в 50 раз больше. Советские военные планы предусматривали захват Хельсинки менее чем через две недели от начала боевых действий. А третья причина отказа финнов пойти на уступки заключалась в их уверенности, что страны, традиционно дружественные Финляндии, встанут на защиту страны. Кроме того, некоторые финские политические лидеры верили, что армия Финляндии сумеет сдерживать советское вторжение минимум полгода, пусть генерал Маннергейм и предупреждал, что это невозможно.

Тридцатого ноября 1939 года Советский Союз напал на Финляндию под предлогом того, что финские артиллерийские снаряды упали на советскую территорию и убили нескольких солдат. (Хрущев позже признавался, что эти снаряды были выпущены из советского оружия по приказу советского генерала, который хотел спровоцировать войну³³.) Началась война, вошедшая в историю как Зимняя. Советские войска перешли в атаку на всем протяжении советско-финской границы, а советские самолеты принялись бомбить Хельсинки и другие финские города. Жертвы среди гражданского населения в первую ночь бомбежек составили 10 % от общего числа гражданских жертв в Финляндии за все пять лет Второй мировой войны. Когда советские войска перешли финскую границу и захватили ближайшую финскую деревню, Сталин немедленно признал финского коммуниста Куусинена главой так называемого «демократического» финского правительства, дабы создать впечатление, что СССР не вторгся в Финляндию, а встал на защиту «настоящего» финского правительства. Создание этого марионеточного правительства окончательно убедило продолжавших сомневаться финнов в том, что Сталин действительно хочет захватить их страну.

---

³³ Речь о так называемом Майнильском инциденте, когда 26 ноября 1939 г. была обстреляна группа советских военнослужащих у деревни Майнилы; ответственность за обстрел официально возложили на финскую сторону. Н. С. Хрущев действительно признавал факт обстрела со стороны частей под командованием Г. И. Кулика, но оговаривался, что ему неизвестно, кто открыл огонь первым.

* * *

К началу боевых действий 30 ноября 1939 года технические, так сказать, параметры этого абсурдного по несоответствию противников конфликта выглядели следующим образом. Советский Союз имел 170 миллионов человек населения, тогда как население Финляндии составляло 3 700 000 человек. СССР напал на Финляндию всего четырьмя армиями (до 500 000 человек), многие другие части остались в резерве или выполняли иные военные цели. Финляндия мобилизовала все силы, которые насчитывали 120 000 человек в девяти дивизиях. На поддержку пехоты СССР выдвинул тысячи танков, современные боевые самолеты и современную артиллерию; Финляндия почти не имела танков, самолетов и артиллерию, равно как и противотанковых и зенитных орудий. Хуже всего было то, что при наличии хорошего стрелкового оружия и пулеметов, финская армия располагала весьма ограниченным арсеналом боеприпасов; солдатам приказывали экономить патроны и стрелять, только когда противник подойдет вплотную.

Все эти цифры говорили о том, что шансы Финляндии выстоять в схватке нулевые, если Сталин твердо решит добиться своего. Мир уже видел, как быстро Польша, чье население было в 10 раз больше финского, а военная инфраструктура была куда современнее, потерпела поражение за несколько недель, причем немецкие силы уступали советским в численности минимум вдвое. Словом, финны не были настолько безумны, чтобы воображать, будто они в состоянии добиться военной победы. Вместо этого, как объяснил мне финский друг, их целью было «сделать русскую победу такой медленной, мучительной и дорогостоящей, насколько это возможно». В частности, цель Финляндии состояла в том, чтобы сопротивляться так долго, чтобы правительство успело заручиться военной поддержкой дружественных стран, и напугать Сталина объемом военных расходов.

К великому удивлению СССР и остального мира, Финляндия устояла. Советский военный план вторжения по всей длине общей границы предусматривал штурм линии Маннергейма на Карельском перешейке и попытку «разрезать» Финляндию надвое в самом узком месте страны. Против советских танков, что двинулись на линию Маннергейма, финны применяли новое оружие, восполняя дефицит противотанковых пушек так называемым «коктейлем Молотова», то есть бутылками с горючей смесью, которой хватало, чтобы поджечь танк. Еще финские солдаты в окопах пропускали танки мимо себя, а затем заклинивали им гусеницы бревнами. Отдельные сорвиголовы бросались затем к обездвиженным машинам, совали винтовки в стволы пушек и смотровые щели и расстреливали советских танкистов внутри. Не удивительно, что уровень потерь среди противотанковых бригад Финляндии составлял до 70 % личного состава.

Больше всего мировых наблюдателей восхитило то, что финским войскам удалось уничтожить две советские дивизии, которые пытались расцечь Финляндию надвое. Боевые машины и танки с пехотой двигались по нескольким дорогам, ведущим от советской границы в глубь Финляндии. Малочисленные группы финских солдат, на лыжах и в белом камуфляже для маскировки на снегу, сопровождали врага, вынуждали делить силы и уничтожали одно подразделение за другим (см. источник 2.5). Финский ветеран в 1959 году описывал мне тактику, которую он с однополчанами использовал в зимнем лесу. Ночью советские солдаты ставили автомашины длинной колонной вдоль узкой однополосной лесной дороги, а сами собирались вокруг больших костров, чтобы согреться. (Финны, кстати, спасались от холода с помощью крохотных обогревателей в палатках, и снаружи их было не заметить.) На лыжах мой собеседник и его взвод подбирались как можно ближе, на дальность прицельной стрельбы (см. источник 2.6). Затем они взбирались на деревья поблизости с винтовками, выглядывали вражеских

офицеров в свете костров, расстреливали их и убегали, оставляя советских солдат без командиров, напуганными и деморализованными.

* * *

Почему финская армия смогла так долго защищаться против превосходившей ее по всем показателям армии СССР? Во-первых, одной из причин является мотивация: финны осознавали, что сражаются за свои семьи, свою страну и ее независимость, были готовы умереть за это. Например, когда советские части наступали по льду замерзшего Финского залива, а им противостояли только малые гарнизоны на островах, финским солдатам объяснили, что спасения ждать не следует, что они должны убить как можно больше «русских», прежде чем погибнут сами, – и они приняли этот бой. Во-вторых, финнам было привычно перемещаться на лыжах по зимнему лесу, и они хорошо знали местность, на которой им выпало сражаться. В-третьих, финские солдаты имели форму, обувь, палатки и снаряжение для боевых действий зимой, а вот у Красной армии не было ничего подобного. Наконец, финская армия, как и израильская армия сегодня, продемонстрировала эффективность в диспропорции к своей численности, поскольку в ней допускалось, что солдаты могут проявлять инициативу и принимать решения самостоятельно, а не просто подчиняются приказам.

Но упорство и временные успехи финской армии всего-навсего отдаляли неизбежное. С ожидаемым таянием зимнего льда и снега по весне СССР должен был наконец материализовать свое превосходство в численности и технике, прорваться через Карельский перешеек и форсировать Финский залив. Финляндии оставалось надеяться на помощь добровольцев и на поставки техники и живой силы из других стран. Что же происходило на этом дипломатическом фронте?

Общее сочувствие маленькой Финляндии, отважно сражавшейся с громадным советским агрессором, побудило 12 000 иностранных добровольцев, в основном из Швеции, влиться в ряды финской армии. Но большинство этих добровольцев еще не закончили обучение к тому времени, когда война завершилась. Некоторые страны присылали военную технику разной степени полезности. Например, один финский ветеран рассказывал мне, что Италия поставила старые артиллерийские орудия времен Первой мировой войны. При выстреле артиллерийское орудие откатывается назад, поэтому его необходимо закрепить на прочном основании. Каждое орудие требует не только наводчика и стрелка, но и корректировщика огня, который занимает позицию перед пушкой, смотрит, куда падает снаряд, и дает указания и поправки для следующего выстрела. По словам того ветерана, эти старые итальянские пушки настолько плохо справлялись с отдачей, что для каждой из них назначали двоих корректировщиков: один отслеживал падение снарядов, а другой располагался позади, чтобы оценивать смещение орудия при стрельбе!

На самом деле единственными странами, на чью помощь Финляндия могла рассчитывать с точки зрения живой силы и снаряжения, были Швеция, Германия, Великобритания, Франция и США. Соседняя Швеция, тесно связанная с Финляндией благодаря долгой общей истории и общей культуре, отказывалась отправлять войска из страха втянуться в войну против СССР. Германия ранее направляла войска на защиту независимости Финляндии и имела давние культурные связи с Финляндией, но теперь Гитлер не желал нарушать условия пакта Молотова – Риббентропа. Соединенные Штаты Америки были далеко, а у президента Рузвельта руки оказались связаны нейтралитетом, следствием десятилетий американской политики изоляционизма.

Получалось, что реальными источниками помощи могли выступить только Великобритания и Франция. Обе страны, пусть и не сразу, согласились направить свои войска в Финляндию. Но они уже находились в состоянии войны с Германией, и эта война занимала все

помыслы британского и французского правительств, которые не собирались отвлекаться, назовем это так, на посторонние цели. Германия импортировала большую часть железной руды для своих нужд из нейтральной Швеции. Значительные объемы руды вывозились из Швеции через Норвегию по железной дороге до свободного ото льда норвежского порта Нарвик, и переправлялись по морю в Германию. Англичане и французы стремились установить контроль над шведскими запасами железа и прервать морское сообщение с Нарвиком. Поэтому их предложение направить войска через нейтральные Норвегию и Швецию на помощь Финляндии было не более чем предлогом для достижения истинной цели.

На словах британское и французское правительства пообещали Финляндии прислать десятки тысяч своих солдат, но на деле выяснилось, что большинство сил будет переброшено в Нарвик, на железную дорогу к порту и на шведские месторождения. Лишь крошечная часть этих сил должна была попасть в саму Финляндию. Причем даже это потребовало бы разрешения правительств Норвегии и Швеции, а те, поскольку их страны соблюдали нейтралитет, отказались одобрить данный план.

* * *

В январе 1940 года Советский Союз наконец начал делать выводы из ужасающих потерь и военных поражений декабря. Сталин ликвидировал марионеточное правительство Финляндии во главе с финским коммунистическим вожаком Куусиненом. Это означало, что Сталин больше не отказывается признавать действующее финское правительство, а последнее начало прощупывать почву на предмет мира. Вдобавок СССР прекратил тратить время и силы на попытки рассечь Финляндию надвое и вместо этого собрал немалое количество пехоты, артиллерии и танков на Карельском перешейке, где открытая местность благоприятствовала боевым действиям. Финские солдаты непрерывно сражались на протяжении двух месяцев и изнемогали от усталости, тогда как СССР мог бросить в бой свежие силы из своих огромных запасов. В начале февраля советские части прорвались через линию Маннергейма и заставили финнов отступить на следующую, гораздо менее крепкую линию обороны. Финские генералы, находившиеся под командованием Маннергейма, умоляли его отступить дальше, чтобы воспользоваться преимуществами тыловых позиций, но у Маннергейма были железные нервы: несмотря на тяжелые потери, которые несла финская армия, он отказался отступать, потому что знал – Финляндии необходимо оставить за собой столько территории, сколько получится, к моменту начала неизбежных мирных переговоров.

В конце февраля 1940 года, когда истощенные финны наконец собрались просить о мире, англичане и французы по-прежнему требовали от них держаться. Премьер-министр Франции Даладь в срочной депеше известил, что к концу марта перебросит в Финляндию 50 000 солдат, что 100 бомбардировщиков готовы к вылету и что ему гарантировали «перемещение» этих сил по суше через Норвегию и Швецию. Эта депеша побудила финнов продлить бои еще на неделю, за которую успело погибнуть несколько тысяч человек.

Но затем британцы признали, что предложение Даладь было фальшивкой и откровенным блефом, поскольку ни войска, ни самолеты не готовы, а Норвегия и Швеция по-прежнему не дают разрешения на перемещения союзных контингентов; по сути, французское предложение было сделано только для того, чтобы выразить поддержку финнам и позволить Даладь сохранить лицо. Премьер-министр Финляндии возглавил финскую делегацию, которая отправилась в Москву на мирные переговоры. Одновременно СССР наращивал военное давление на Финляндию, организовав наступление на второй по величине финский город Виипури, столицу провинции Карелия. Эта схватка ознаменовалась многочисленными смертями, отсюда все надгробия, датированные февралем и мартом 1940 года на кладбище Хиетаниemi.

Условия, которые Советский Союз выдвинул в марте 1940 года, были гораздо суровее тех, какие финны отвергли в октябре 1939 года. Теперь от них потребовали всю провинцию Карелия, другую область на севере вдоль советско-финской границы и порт Ханко под Хельсинки в качестве военно-морской базы. Вместо того чтобы остаться в своих домах при советской оккупации, все население Карелии, а это были 10 % населения Финляндии, предпочло эвакуироваться и переселиться в другие области страны. Там им пришлось ютиться в домах местных жителей, и лишь к 1945 году наконец удалось обеспечить беженцев собственным жильем. Что уникально для европейских стран со значительными внутренними перемещениями населения, Финляндия никогда не размещала своих вынужденных переселенцев в лагерях для беженцев. Девятнадцать лет спустя мои финские хозяева вспоминали, сколько времени и сил было потрачено на поиски жилья для этих карелов.

Почему Сталин в марте 1940 года не приказал Красной армии продолжать наступление и оккупировать всю Финляндию? Одна из причин заключалась в том, что ожесточенное сопротивление финнов давало понять: дальнейшее продвижение будет медленным, мучительным и дорогостоящим; а ведь СССР следовало провести реорганизацию и перевооружение своей армии на случай нападения Германии. Слабая эффективность действий Красной армии против крошечной Финляндии стала неприятным сюрпризом для СССР: на каждого убитого финна приходилось около восьми советских солдат. Чем дольше шла война с Финляндией, тем выше становился риск британского и французского вмешательства, что было чревато войной с этими странами и нападением на советские нефтяные месторождения на Кавказе. Некоторые исследователи считают, что из суровых условий мира в марте 1940 года вытекает – финнам действительно следовало принять более мягкие условия, выставленные Сталиным в октябре 1939 года. Впрочем, советские архивы, открытые в 1990-е годы, подтвердили опасения финнов: Советский Союз наверняка воспользовался бы этими более мягкими территориальными претензиями и крахом финской линии обороны в октябре 1939 года, чтобы захватить всю Финляндию, как это было с тремя балтийскими республиками в 1940 году. Яростное сопротивление финнов и их готовность умирать, а также медлительность и издержки войны против Финляндии убедили СССР забыть о планах оккупации всей Финляндии в марте 1940 года.

* * *

После перемирия в марте 1940 года СССР реорганизовал свою армию и аннексировал Прибалтику. Германия оккупировала Норвегию и Данию в апреле 1940 года, а затем разгромила Францию в июне того же года, так что Финляндия лишилась всяких надежд на помощь извне. Потому она вступила в союз с Германией и приступила к модернизации своей армии с использованием немецкого снаряжения.

Гитлер решил напасть на Советский Союз в следующем, 1941 году. В какой-то момент немецкие военные планировщики начали обсуждать с финскими планировщиками «гипотетические» совместные действия против СССР. Финляндия не испытывала симпатий ни к Гитлеру, ни к нацизму, но финны осознали жестокую реальность: они не сумеют остаться в стороне от схватки и соблюсти заранее заявленный нейтралитет в войне между Германией и Советским Союзом. Иначе либо одна, либо сразу обе эти страны решатся оккупировать Финляндию. Горький опыт противостояния СССР в одиночку в Зимней войне вынуждал думать, что повторение чего-то подобного намного хуже заключения союза с нацистской Германией. Это был «наименее ужасный из нескольких очень плохих вариантов», если процитировать биографа Маннергейма Стивена Залогу. Слабая боеготовность Красной армии в Зимней войне убедила всех наблюдателей – не только Финляндию, но и Германию, Великобританию и США, – что война между Германией и СССР закончится победой немцев. Естественно, что финны хотели

заодно вернуть себе утраченную провинцию Карелия. 21 июня 1941 года³⁴ Германия напала на Советский Союз. Финляндия сначала заявила, что будет оставаться нейтральной, но 25 июня советские самолеты разбомбили финские города³⁵, дав финскому правительству повод заявить, что страна снова воюет с СССР.

Эта вторая война против Советского Союза, сразу после Зимней войны, зовется в Финляндии войной-продолжением. На сей раз Финляндия мобилизовала шестую часть мужского населения в армию и на вспомогательные работы; стоит отметить, что это самый высокий процент мобилизованных среди участников Второй мировой войны. В сопоставлении отсюда следует, что США при тех же исходных условиях должны были бы призвать более 50 000 000 человек. В вооруженные силы брали мужчин в возрасте от 16 до 50 лет, а также некоторое количество женщин в прифронтовых районах. Всех финнов обоих полов, негодных к службе, в возрасте от 15 до 64 лет, обязали трудиться на войну – в промышленности, сельском хозяйстве, на лесозаготовках или на других необходимых работах. Подростки работали на полях и лесопилках – или вступали в отряды противовоздушной обороны.

Поскольку Красная армия была поглощена сражениями с немецкими войсками, финны быстро вернули себе Карелию, но не остановились на этом и двинулись дальше, заняв Советскую Карелию. Впрочем, военные цели Финляндии оставались сугубо локальными, поэтому финны именовали себя не «союзниками» Германии, а воюющими на стороне нацистской Германии. В частности, Финляндия наотрез отказалась выполнить две просьбы, а именно – истребить финских евреев (правда, небольшую группу все-таки передали в руки гестапо) и атаковать Ленинград с севера, поддержав атаки немцев с юга. Это упорство спасло Ленинград, позволило городу продержаться в блокаду и сказалось впоследствии на решении Сталина остановить наступление на Финляндию на границе Карелии (см. ниже)³⁶.

Тем не менее факт остается фактом: Финляндия воевала на стороне нацистской Германии. Различие между союзником и, так сказать, сотоварищем по войне не имело значения для сторонних наблюдателей, которые не могли оценить всю сложность положения Финляндии. Я рос в США в годы Второй мировой войны и считал Финляндию четвертой державой Оси, после Германии, Италии и Японии. Под давлением Сталина Великобритания объявила войну Финляндии. Но единственной атакой со стороны британцев стал единичный налет бомбардировщиков на финский город Турку, причем британские пилоты нарочно сбросили бомбы в море и не стали разрушать город.

В начале декабря 1941 года финская армия прекратила наступление, и в войне-продолжении между Советским Союзом и Финляндией почти ничего не происходило целых три года. С одной стороны, у Финляндии не было других целей после возвращения Карелии. С другой стороны, Красная армия была слишком занята противостоянием Германии, чтобы перебросить часть сил на финское направление. Когда же СССР сумел изгнать нацистов со своей террито-

³⁴ Так у автора. Вероятно, имеются в виду подготовительные операции перед началом широкомасштабного наступления (например, совместное минирование немецкими и финскими подлодками Финского залива 21 июня).

³⁵ Первые три дня войны с территории Финляндии действовали немецкие ВВС и морские силы. Когда финны заняли демилитаризованную зону Аландских островов, советская авиация нанесла бомбовый удар по их позициям, после чего правительство Финляндии заявило, что страна находится в состоянии войны с СССР.

³⁶ На самом деле финское наступление остановилось вследствие многочисленных потерь, понесенных в первые дни войны, и ослабления морального духа войск, поэтому Маннергейм отдал приказ закрепиться на достигнутых рубежах. Что касается «продержаться в блокаду», то именно финские части перерезали железные дороги на севере СССР, а затем блокировали внутренние водные пути подвоза продовольствия. Указание Сталина остановить советское наступление в 1944 г. было продиктовано договоренностями с союзниками, прежде всего с США. Вообще следует отметить, что автор в этой главе занимает чрезвычайно пристрастную позицию, стремясь доказать свою гипотезу о «тяжести» положения малой страны, соседом которой является страна намного больше по размерам и численности населения; при этом совершенно игнорируются исторические факты, способные очернить «беззащитную и мирную» Финляндию. Подробнее см.: *Барышиников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1944. Хельсинки, 2002; *Henrik Lunde.* Finland's War of Choice: The Untidy Coalition of a Democracy and a Dictatorship in World War II. Casemate Publishers, 2011.

рии, стало понятно, что теперь появилась возможность уделить внимание Финляндии. В июне 1944 года началось широкое наступление на Карельском перешейке. Советские войска быстро прорвали линию Маннергейма, но, как и в феврале 1941 года, финнам удалось стабилизировать фронт. Советское наступление остановилось, отчасти потому, что Сталин поставил перед своей армией задачу опередить американские и британские силы, подступавшие к Берлину с запада; отчасти же виной были те самые проблемы, с которыми уже пришлось столкнуться в ходе Зимней войны: преодоление сопротивления и партизанская война в финских лесах грозили обойтись слишком дорого. Вдобавок никто не знал, что делать с Финляндией, если и когда Советский Союз ее оккупирует. Потому в 1944 году, как и в 1941-м, финны реализовали практическую цель, которую озвучил мой финский друг: важно не победить СССР на поле боя, а сделать так, чтобы его победа как можно более дорогостоящей, медленной и мучительной. В результате Финляндия оказалась единственной страной континентальной Европы, которая в годы Второй мировой войны избежала вражеской оккупации.

После того как фронт снова стабилизировался в июле 1944 года, лидеры Финляндии вылетели в Москву на переговоры о мире и подписание нового договора. На сей раз советские территориальные требования почти не отличались от требований 1941 года. СССР забрал себе финскую Карелию и военно-морскую базу на южном побережье Финляндии. Дополнительно были присвоены финский порт на Северном Ледовитом океане и никелевые рудники³⁷. Финляндии пришлось согласиться на высылку 200 000 немецких военнослужащих, дислоцированных в стране, во избежание появления советских войск на своей территории. На вывод частей ушло много месяцев, а отступавшие немцы уничтожили практически все ценное в финской провинции Лапландия. Когда я побывал в Финляндии в 1959 году, мои финские хозяева еще сетовали на то, что бывшие союзники бессовестно разграбили Лапландию.

Общие потери Финляндии в ходе Зимней войны и войны-продолжения составили около 100 000 человек убитыми. Как я уже писал, пропорционально численности населения это все равно, что погибли бы 9 000 000 американцев. Еще 94 000 финнов получили различные увечья, 30 000 финских женщин овдовели, 55 000 финских детей остались сиротами, 615 000 финнов лишились своих домов. Продолжая сравнение с Америкой: как если бы война изувечила 8 000 000 американцев, 2 500 000 американских женщин овдовели, 500 000 американских детей осиротели, а 50 000 000 американцев потеряли кров. Кроме того, в ходе одной из наиболее массовых детских эвакуаций в истории 80 000 финских детей вывезли из страны (в основном в Швецию), и это имело длительные травматические последствия, ощущаемые и в следующем поколении (см. источник 2.7). Сегодня для дочерей тех финских матерей, которых эвакуировали в детстве, вероятность попасть в психиатрические клиники вдвойне выше, чем у дочерей тех, кого не вывозили. СССР понес намного более тяжелые боевые потери против Финляндии: по оценкам, приблизительно полмиллиона погибших и четверть миллиона раненых. Сюда включены и те 5000 советских солдат, которые угодили в финский плен, после заключения перемирия были переданы советской стороне – и сразу расстреляны за проявление страха перед врагом³⁸.

Договор о перемирии требовал от Финляндии «сотрудничать с Союзными силами в задержании лиц, обвиняемых в военных преступлениях». В толковании союзниками «финских военных преступлений» виновниками признавались лидеры правительства Финляндии в годы войны против СССР. Если бы Финляндия не стала преследовать собственных руководителей, СССР вмешался бы и вынес им суровые приговоры, вплоть до расстрела. Поэтому финнам пришлось сделать то, что в иных обстоятельствах посчитали бы позором: закон обратной силы

³⁷ Имеются в виду область Петсамо (Печенга) в губе Баренцева моря, российская территория, которую Финляндия захватила в 1918 г. и сохранила за собой по Тартускому мирному договору 1920 г.

³⁸ Автор «забывает» о 64 188 советских военнопленных в финских лагерях (19 016 человек умерли).

объявил лидеров страны, защищавших Финляндию, в проведении «необдуманной» политики, которая была вполне законной и которую широко поддерживало население. Финский суд приговорил к тюремному заключению военного президента Финляндии Рюти, премьер-министров военных лет Рангелла и Линкомиеса³⁹, министра иностранных дел, четырех других министров, а также посла Финляндии в Берлине. Когда эти люди отбыли наказание в комфортабельных финских тюрьмах, большинство из них переизбрали или назначили на высокие государственные должности.

Мирный договор обязывал Финляндию выплатить СССР немалые репарации – 300 000 000 долларов в течение шести лет. Даже когда СССР увеличил этот срок до восьми лет и сократил сумму до 226 000 000 долларов, это казалось непосильным бременем для крошечной, преимущественно сельскохозяйственной финской экономики. Как ни парадоксально, эти репарации оказались экономическим стимулом, побудили Финляндию развивать тяжелую промышленность, строить корабли и заводы. (Можно сказать, что репарации как бы воплотили значение китайского слова «вэй-цзи», то есть «кризис», которое состоит из двух иероглифов: «вэй» означает «опасность», а «цзи» – «возможность».) Индустриализация способствовала экономическому развитию Финляндии, причем до такой степени, что Финляндия из бедной сельскохозяйственной страны сделалась современной индустриальной (а теперь и высокотехнологичной) страной.

Помимо выплаты репараций, Финляндии пришлось согласиться на активную торговлю с Советским Союзом (до 20 % от общего объема финской торговли). СССР поставлял в Финляндию прежде всего нефть. Это оказалось большим подспорьем для Финляндии, поскольку ее миновала присущая остальному Западу зависимость от ближневосточной нефти. Но в рамках торгового соглашения Финляндия также была вынуждена импортировать низкокачественные советские промышленные товары – локомотивы, оборудование для атомных электростанций и автомобили, хотя все это можно было бы дешевле (и с гораздо более высоким качеством) приобрести у Запада. Финны вымещали досаду в черном юморе, как и с теми устаревшими итальянскими пушками, о которых говорилось выше. Например, в 1959 году я видел у многих финнов советские автомобили марки «Москвич», которые часто ломались. Многие европейские и американские автомобили могли похвастаться раздвижными крышами, которые можно было раскрыть, чтобы наслаждаться лучами солнца во время езды. Среди финнов тогда ходила шутка, новая модель «Москвича» будет с раздвижной крышей и раздвижным полом. Вопрос: в чем достоинство такого пола? Ответ: всякий раз, когда ваш «Москвич» сломается, а это бывало часто, вы раздвигаете пол, ставите ноги на землю и толкаете машину вперед!

* * *

Финны называют 1945–1948 годы «годами опасности». В ретроспективе мы можем сказать, что Финляндия уцелела, но в те годы столь счастливый результат казался маловероятным. Главной опасностью виделась коммунистическая агрессия посредством внутренней подрывной деятельности, вдохновляемой и поддерживаемой Советским Союзом. Как ни парадоксально для демократической страны, которая боролась за выживание, Коммунистическая партия Финляндии и ее союзники завоевали четверть мест в парламенте на мартовских свободных выборах 1945 года и попытались подчинить себе полицию. СССР к тому времени уже оккупировал Восточную Германию, готовил коммунистические перевороты в четырех странах Восточной Европы (Польша, Венгрия, Болгария и Румыния), организовал успешный путч в

---

³⁹ Й. Рангелл в годы войны занимался в основном экономическими вопросами, при сменившем его Э. Линкомиесе начались попытки договориться с СССР о заключении перемирия.

Чехословакии и оказывал поддержку греческим партизанам⁴⁰. Станет ли Финляндия следующей жертвой? Репарации Советскому Союзу легли тяжелым бременем на преимущественно сельскохозяйственную, еще не успевшую индустриализироваться финскую экономику. Война разрушила инфраструктуру: фермы опустели, производственные мощности пришли в упадок, две трети финского флота оказались уничтожены, изношенные грузовики не имели запчастей и ездили на дровах вместо бензина. Сотни тысяч вынужденных переселенцев из Карелии, инвалиды, сироты и вдовы нуждались в жилье, деньгах и опеке со стороны тех финских семей, которые пострадали меньше. Десятки тысяч финских детей, ранее эвакуированных в Швецию, возвращались с душевными травмами, забыв родной язык и почти забыв своих родителей за годы пребывания в изгнании.

В эти «годы опасности» Финляндия разработала новую послевоенную политику для предотвращения советской агрессии. Эта политика стала известна как «линия Паасикиви – Кекконена», по именам двух президентов Финляндии, которые сформулировали ее, олицетворяли эту политику и тщательно ее реализовывали на протяжении 35 лет (годы правления Юхо Паасикиви: 1946–1956; годы правления Урхо Кекконена: 1956–1981). «Линия Паасикиви – Кекконена» категорически отвергала катастрофическое для Финляндии 1930-х годов стремление игнорировать Россию. Паасикиви и Кекконен усвоили горький урок. Для них было очевидно, пускай и больно, что Финляндия остается маленькой и слабой; что от Запада не приходится ждать никакой реальной помощи; что нужно постоянно учитывать близость с СССР, вести переговоры с советскими правительственными чиновниками всех уровней и добиваться доверия восточного соседа, показывая, что Финляндия держит слово и выполняет все договоренности. А доверие со стороны СССР требовало политических маневров и отказа от доли экономической независимости и доли свободы слова, то есть от того, что любая сильная демократия, которой ничто не угрожает, считает своими неотъемлемыми правами.

Паасикиви и Кекконен хорошо знали Советский Союз и его народ – тот же Паасикиви участвовал в октябрьских (1939) и мартовских (1940), а также в сентябрьских (1944) переговорах, а также исполнял обязанности посла Финляндии в Москве. Паасикиви пришел к выводу, что Сталин в отношениях с Финляндией руководствовался не идеологией, а стратегическими и геополитическими соображениями. Скажем, СССР требовалось защитить свой второй по величине город (Ленинград / Санкт-Петербург) от новых возможных нападений с суши или с моря, как это уже случалось ранее. Чувствуя себя Советский Союз в безопасности на этом фронте, Финляндии тоже ничего бы не грозило. Зато Финляндия никогда не будет в безопасности, если СССР ощущает угрозу. Словом, конфликт в любой точке земного шара может побудить Советский Союз к агрессии и заставит его снова присматриваться к Финляндии, поэтому Финляндия должна активно бороться за мир. Паасикиви, а затем Кекконен настолько преуспели в налаживании доверительных отношений со Сталиным, Хрущевым и Брежневым, что, когда Сталина однажды спросили, почему он не пытается привести коммунистическую партию к власти в Финляндии, как это произошло в странах Восточной Европы, тот ответил: «Когда есть Паасикиви, зачем мне финская компартия?»

Вот как президент Кекконен объяснял их с Паасикиви политику – цитирую по автобиографии: «Основная задача финской внешней политики – обеспечить существование нашего государства с учетом интересов, которые доминируют в геополитическом окружении Финляндии... [Финская внешняя политика ориентируется на] превентивную дипломатию. Задача такой дипломатии заключается в том, чтобы улавливать надвигающуюся опасность прежде, чем та окажется слишком близко, и принимать меры, которые помогут избежать этой опас-

⁴⁰ Под «партизанами» в данном случае имеются в виду бойцы Демократической армии Греции (вооруженного крыла греческой компартии); следует отметить, что значительную помощь этим бойцам оказывал не столько СССР, сколько соседняя с Грецией Югославия.

ности, желательно, таким способом, чтобы как можно меньше людей заметили наши усилия... Для небольшого государства, которое не питает иллюзий относительно своего положения и знает, что чаша весов может качнуться в любую сторону, жизненно важно уметь вовремя сформировать правильное представление о силе факторов, от которых зависит будущее военно-политическое развитие... Государство должно полагаться исключительно на себя. Годы войны заставили нас усвоить тяжелый урок в этом отношении... Опыт также подсказывает, что маленькая страна не может себе позволить испытывать смешанные чувства, будь то симпатия или антипатия, и руководствоваться ими в своих внешнеполитических решениях. Реалистичная внешняя политика должна опираться на осознание ключевых факторов международной политики, то есть национальных интересов и отношений между государствами».

Конкретные выгоды от соблюдения «линии Паасикиви – Кекконена» для Финляндии заключались в том, как Советский Союз (а сегодня Россия) обращался с Финляндией последние 70 лет. Советы больше не вторгались в Финляндию. Они не пытались захватить власть в Финляндии через местную коммунистическую партию, пока эта партия существовала. Они увеличили сроки выплаты военных репараций и уменьшили их сумму. В 1955 году СССР эвакуировал свою военно-морскую базу и вывел артиллерию с финского побережья Порккала, в 10 милях от Хельсинки. Никто не возражал против наращивания Финляндией торговли с Западом и сокращения товарооборота с СССР, против участия Финляндии в ЕЭС (Европейском экономическом сообществе) и вступления ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли). Причем Советский Союз вполне мог вмешаться в происходящее и запретить реализацию многих инициатив. Но СССР никогда не повел бы себя так, как случилось в реальности, не доверяя он новой Финляндии и ее лидерам.

* * *

В международных отношениях Финляндия постоянно балансировала, так сказать, на канате, развивая сотрудничество с Западом и одновременно стараясь сохранить доверие СССР. Чтобы заручиться этим доверием, сразу после войны-продолжения в 1944 году она стала своевременно и аккуратно выполнять все условия перемирия и последующего мирного договора. Упомяну высылку немецких войск со своей территории, уголовные процессы против собственных военных лидеров, легализацию Коммунистической партии Финляндии и включение последней в политический истеблишмент, дабы коммунистам не вздумалось захватить власть силой, а также пунктуальные выплаты военных репараций, для чего, кстати, кое-кому из финнов пришлось расстаться со своими драгоценностями и золотыми кольцами.

Расширяя сотрудничество с Западом, Финляндия прилагала немалые усилия к тому, чтобы успокоить СССР, который не переставал подозревать, что его сосед рано или поздно экономически интегрируется с остальной Европой. Например, Финляндия сочла благоразумным отказаться от предложенной США и крайне необходимой ей помощи по плану Маршалла. Подписывая соглашения об участии в западноевропейских ассоциациях ЕЭС и ЕАСТ, Финляндия при этом заключала контракты и с восточноевропейскими коммунистическими странами, гарантировала СССР статус основного торгового партнера и обещала ему те же преференции, которые полагались ее партнерам по ЕЭС.

Западные страны постепенно становились основными торговыми контрагентами Финляндии, но страна также сделалась вторым ключевым торговым партнером СССР на Западе (первым была Западная Германия). Контейнерные перевозки через территорию Финляндии были основным маршрутом ввоза западных товаров в СССР. Собственный экспорт Финляндии в Советский Союз охватывал корабли, ледоколы, товары массового потребления и строительные материалы для возведения больниц, отелей и промышленных городов. Для СССР Финляндия стала основным источником западных технологий – и главным окном на запад. В резуль-

тате Советский Союз больше не испытывал стремления покорить Финляндию, поскольку она была гораздо ценнее как независимая страна, сотрудничающая с Западом, чем если бы ее оккупировали и превратили в очередного коммунистического сателлита.

Поскольку советские лидеры доверяли президентам Паасикиви и Кекконену, Финляндия решила не переизбирать своих руководителей, как принято в демократическом обществе, и позволила этим двоим занимать верховный пост на протяжении в общей сложности 35 лет. Паасикиви являлся президентом на протяжении 10 лет и ушел в отставку незадолго до кончины (в возрасте 86 лет), а его преемник Кекконен занимал пост 25 лет, пока слабеющее здоровье не вынудило его уйти на покой в возрасте 81 года. Когда Кекконен встречался с Брежневым в 1973 году, в разгар переговоров Финляндии с ЕЭС, он постарался развеять советскую озабоченность: дал Брежневу личное слово, что отношения с ЕЭС никак не скажутся на отношениях Финляндии с Россией. Финский парламент затем даровал Кекконену полномочия для выполнения этого обещания, приняв в срочном порядке закон о продлении срока нахождения у власти еще на четыре года; тем самым перенесли президентские выборы, намеченные на 1974 год.

Правительство Финляндии и финская пресса избегали критиковать Советский Союз и практиковали добровольную самоцензуру, чего обычно не встретишь в демократических странах. Например, когда другие страны осудили советское вторжение в Венгрию и Чехословакию, а также ввод войск в Афганистан, финское правительство и финская пресса промолчали. Финское издательство отменило публикацию труда Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» из опасения оскорбить СССР. Когда финская газета в 1971 году все-таки ущемила советскую гордость, написав, что балтийские республики были оккупированы СССР накануне Второй мировой войны, советская пресса назвала это заявление (вполне правдивое) попыткой мировой буржуазии разрушить добрососедские отношения между Финляндией и Советским Союзом, а советский министр иностранных дел предупредил Финляндию, что СССР ожидает от правительства Финляндии недопущения подобных инцидентов в будущем. Финское правительство в ответ призвало свои СМИ «проявлять больше «ответственности», то есть не пропускать в печать такие потенциально взрывоопасные высказывания.

Балансирование на канате позволило Финляндии сохранять независимость и развивать экономику. Здесь крошечной стране вновь пришлось учитывать суровую реальность: нынешним 6 миллионам финнов никак не добиться таких экономических успехов, какие по плечу 90 миллионам немцев или 330 миллионам американцев. Значит, Финляндия никогда не преуспеет там, где экономика предусматривает низкое качество жизни и возможность нанимать работников задешево, что было характерно для ряда стран, искавших доходы за пределами Европы и Северной Америки. По мировым стандартам Финляндия обречена на малое число работников, которые всегда будут ожидать высокой заработной платы. Следовательно, нужно эффективно использовать доступную рабочую силу и развивать те отрасли, которые сулят высокую прибыль.

Для продуктивного использования населения страны систему образования Финляндии перенацелили на качественное обучение всех граждан, в отличие от США, где ныне немногих обучают хорошо, а большинство – гораздо хуже. В Финляндии множество общедоступных и высококачественных государственных школ, но всего несколько частных. Богатых американцев наверняка удивит, что даже эти редкие финские частные школы получают от правительства финансирование, аналогичное финансированию государственных школ, и не имеют права увеличивать свои фонды за счет платы за обучение или привлечения сторонних средств! В США школьные учителя обладают низким социальным статусом и за эту работу берутся преимущественно не слишком успевавшие в колледжах студенты, а финские школьные учителя проходят весьма строгий процесс отбора и их набирают среди самых талантливых выпускников университетов, их социальный статус даже выше, чем у университетских преподавателей, им хорошо платят, они получают ученые степени и во многом автономны в выборе методов

преподавания. Как следствие, финские школьники занимают верхние строчки мировых рейтингов по грамотности, математике и умению решать задачи. Финляндия также активно вовлекает женщин в общественную жизнь: она вторая в мире (после Новой Зеландии) предоставила женщинам право голоса, а впоследствии женщина даже занимала пост президента страны. Еще Финляндия сумела повысить престиж полицейской службы, что тоже удивительно для американцев: финским полицейским положено проходить обучение в университете, им доверяют 96 % населения и они почти никогда не хватаются за оружие. В прошлом году полиция Финляндии сделала всего шесть выстрелов, пять из них были предупредительными: это меньше еженедельной полицейской «нормы» в моем Лос-Анджелесе.

Сосредоточенность на образовании позволила получить эффективную рабочую силу. В Финляндии самый высокий в мире процент инженеров среди населения. Страна является мировым лидером в области технологий. Экспорт обеспечивает почти половину ВВП (валового внутреннего продукта), а основными экспортными статьями сегодня считаются высокие технологии (в машиностроении и товарах массового производства), а не древесина и прочие традиционные дары леса, как было до Второй мировой войны. Финляндия также стала мировым лидером в разработке новых технологий природопользования, будь то добыча энергии, использование удобрений, изготовление текстильных волокон на замену шерсти и меди – или даже изготовление гитар. Она направляет государственные и частные инвестиции на научные исследования и разработки (до 3,5 % от ВВП, почти вдвое выше уровня расходов других стран ЕС); если приплюсовать сюда проценты ВВП на образование, мы получим показатели, близкие к наиболее высоким в мире. Стабильное развитие образования и постоянные инвестиции в исследования и разработки привели к тому, что за полвека Финляндия превратилась из бедной страны в одну из богатейших в мире. Средний доход на душу населения в Финляндии в настоящее время равен доходу Франции, Германии и Великобритании, а ведь во всех перечисленных странах населения в 10 раз больше, чем в Финляндии, и все они разбогатели уже давно.

* * *

Когда я побывал в Финляндии в 1959 году, почти ничего не зная об истории двух ее войн с Советским Союзом, то расспрашивал своих финских хозяев, почему Финляндия так активно взаимодействует с СССР, импортирует автомобили «Москвич», несмотря на их качество, и так опасается возможности советской агрессии. Я утверждал, что Соединенные Штаты Америки, конечно же, выступят на защиту Финляндии, если СССР вздумается на нее напасть. В ретроспективе я понимаю, что попросту не мог высказать ничего более жестокого, глупого и бестактного по отношению к финнам. Финляндии есть что вспомнить на сей счет, ведь, когда СССР на самом деле напал на нее в 1939 году, не помогли ни США, ни Швеция, ни Германия, ни Великобритания, ни Франция. Финляндия хорошо усвоила на собственном опыте, что ее выживание и независимость зависят от нее самой – и что Финляндия окажется в безопасности, только если Советский Союз не будет ощущать угрозу и станет доверять своему соседу.

Мое невежество разделяли многие представители Запада. Нам бы следовало задуматься, но вместо этого мы изобрели для финской политики уничижительный термин «финляндизация». Вот определение, данное газетой «Нью-Йорк таймс» в 1979 году: «Прискорбно то состояние дел, когда маленький и слабый сосед благоговееет перед могуществом и политической агрессивностью тоталитарной сверхдержавы и допускает позорные уступки, жертвуя своим суверенитетом». Те, кто осуждает «финляндизацию», считают политику Финляндия трусливой.

Многие действия Финляндии действительно приводят в ужас западноевропейских и американских наблюдателей. Допустим, в США или Германии никогда не могло бы случиться такого, что президентские выборы отложили, что кандидат в президенты отозвал бы свою кан-

дидатуру, что издатель отказался публиковать книгу, что пресса добровольно согласилась на самоцензуру, дабы не ущемлять соседскую гордость. Со стороны кажется, что подобные действия несовместимы с демократическими правами.

Но щепетильность и гордыня соседей – это вечная проблема каждой страны. Снова позволю себе процитировать президента Кекконена: «Независимость, как правило, не является абсолютной... Не было в истории такого государства, которому не пришлось бы рано или поздно подчиниться исторической неизбежности». Имеются очевидные и веские причины того, почему Финляндия вынуждена идти на уступки этой исторической неизбежности чаще, нежели США или Германия: крохотная Финляндия граничит с Россией, а США и Германия – нет. Что, по мнению критиков, осуждающих политику «финляндизации», должна была делать страна? Рисковать очередным вторжением, не обращая внимания на чувства соседа?

Отчасти страх, скрывающийся за критикой посторонними политики «финляндизации», объяснялся тревогами по поводу того, что коммунистический Советский Союз может «заманить» прочие страны в свои, так сказать, объятия. Но другие страны Западной Европы, не говоря уже о США, находятся в совершенно иной геополитической ситуации, им не приходилось и не приходится иметь дело с геополитическими проблемами Финляндии. Тот же Кекконен так охарактеризовал политику своей страны: «Финляндизация не предназначена для экспорта».

На мой взгляд, внешняя политика Финляндии по отношению к Советскому Союзу была по-византийски сложной по необходимости. Конечным ее результатом стало то, что и через 70 лет после завершения Второй мировой войны Финляндия нисколько не приблизилась к статусу советского или, если делать поправку на сегодняшний день, российского сателлита. Вместо этого она уверенно наращивает сотрудничество с Западом и поддерживает хорошие отношения с Россией. Разумеется, финны помнят, что жизнь непредсказуема, поэтому военная служба по призыву по-прежнему является обязательной для финских мужчин (и добровольной для женщин). Обучение длится около года и ведется тщательно, ибо Финляндия ожидает от своих солдат умения сражаться по-настоящему. После года обучения финнов вызывают на военные сборы резервистов каждые несколько лет вплоть до 30–35 лет (или даже позже). Резервисты составляют 15 % населения Финляндии – в пересчете на численность населения США это было бы 50 миллионов человек.

* * *

Давайте теперь рассмотрим, в свете недавней истории Финляндии, ту дюжину факторов, которые связаны с исходами общенациональных кризисов (см. Таблицу 1.2), по аналогии с факторами, имеющими отношение к индивидуальным кризисам (см. Таблицу 1.1). Среди этих факторов семь оказались благоприятными, один изначально был негативным, но впоследствии изменил полярность, а три отсутствовали, что мешало Финляндии решить ее фундаментальную проблему, то есть справиться с угрозой, исходящей от могущественного соседа.

Семь факторов, связанных с разрешением кризиса и проявившихся в действиях Финляндии, таковы: принятие ответственности (фактор № 2), «возведение забора» (№ 3), сильная национальная идентичность (№ 6), честная самооценка (№ 7), память о неудачах (№ 9), гибкость (№ 10) и общенациональные базовые ценности (№ 11). Начнем с того, что среди государств, обсуждаемых в данной книге, Финляндия является ярчайшим примером принятия ответственности и честной ультрареалистичной самооценки. Последняя оказалась особенно болезненной, ведь войны с СССР погубили, заставили овдоветь, сделали сиротами и оставили без крова большую часть населения Финляндии. Финнам пришлось постараться, чтобы избежать попадания в ловушку жалости и обид, способную парализовать их отношения с СССР. Но они в конце концов приняли реальность: Финляндия – крохотная страна, у нее длинная

граница с Советским Союзом, ей не стоит рассчитывать на эффективную поддержку союзников, ответственность за выживание лежит целиком на ней самой, она достаточно сильна, чтобы сопротивляться СССР хотя бы некоторое время и нанести агрессору ощутимый урон, однако ей ни за что не победить соседа раз и навсегда. Финны усвоили свои ошибки предвоенной внешней политики. Они осознали, что единственный способ сохранить политическую независимость заключается в доверии СССР, пускай ради этого придется пожертвовать толикой экономической независимости и свободы слова.

Финляндия хорошо иллюстрирует тезисы о выборочных изменениях и «возведении забора» (фактор № 3). Реагируя на действия СССР после 1944 года, Финляндия отказалась от своей прежней политики, состоявшей в стремлении игнорировать происходящее в Советском Союзе. Она стала проводить новую политику экономического сотрудничества и свободных политических дискуссий с СССР. Но эти перемены были весьма выборочными, поскольку Финляндия оставалась свободной политически либеральной социал-демократией. Такое сосуществование двух, казалось бы, противоположных идентичностей, измененной и прежней, озадачивало и злило многих сторонних наблюдателей, которые придумали уничижительный термин «финляндизация», подразумевал, что Финляндия могла и должна была поступить иначе.

Финляндия демонстрирует исключительно сильную национальную идентичность (фактор № 6), причем в той степени, какой человек, незнакомый с историей Финляндии, вряд ли будет ожидать от крошечной страны, которая в остальном выглядит типично скандинавской. Национальная идентичность и вера Финляндии в свою уникальность опираются на ее прекрасный, но уникально сложный язык, который мало кто пытается изучать; на устную эпическую поэзию, порожденную этим языком («Калевала»); на многовековую историю автономии в царской России, когда у Финляндии имелись собственные администрация, валюта и парламент. Дополнительный вклад в национальную идентичность Финляндии внесли получившие всемирное признание музыканты, спортсмены, архитекторы и дизайнеры. Сегодня финская национальная идентичность также подкрепляется гордостью за свои военные достижения в период Зимней войны. Финны вспоминают о Второй мировой войне именно с гордостью, чего не скажешь о гражданах любой другой страны, за исключением Великобритании⁴¹. Празднование 100-летия независимости Финляндии в 2017 году подчеркивало, среди прочего, успехи страны в годы Второй мировой войны – ничуть не меньше, чем само обретение независимости в 1917 году. Проводя параллель с Америкой: мы могли бы праздновать наш день независимости 4 июля как день победы во Второй мировой войне, а не день принятия декларации независимости в 1776 году.

Финляндия демонстрирует готовность терпеть первоначальные неудачи и продолжать экспериментировать с поиском выходов из кризиса до обнаружения эффективного решения (фактор № 9). Когда СССР предъявил Финляндии ультиматум в октябре 1939 года, финны не стали предлагать своему соседу экономическое и политическое сотрудничество, к которому впоследствии пришли. Даже сделай тогда Финляндия такое встречное предложение, Сталин наверняка его бы не принял; понадобилось яростное сопротивление в Зимней войне, чтобы он счел за лучшее сохранить независимость Финляндии. А с 1944 года, когда Финляндия признала провал собственной довоенной политики игнорирования СССР и стремления к военному решению, страна приступила к долгим, едва ли не бесконечным и непрерывным экспериментам, дабы определить, какая степень экономической и политической независимости ей доступна и что нужно совершить, чтобы удовлетворить Советский Союз.

⁴¹ Порой создается впечатление, что России (СССР), кроме как в качестве агрессора, для автора не существует. При этом он сам опровергает это свое заявление далее, рассуждая о том, что одним из поводов для национальной гордости американцев является именно Вторая мировая война.

Финляндия также демонстрирует гибкость, порожденную необходимостью (фактор № 10). Чтобы развеять советские опасения, Финляндия сделала нечто, немыслимое для любой другой демократии: она осудила и заключила в тюрьму собственных лидеров военного времени; ее парламент принял постановление об отсрочке выборов президента, а основной кандидат на этот пост снял свою кандидатуру; финское правительство призвало прессу прибегать к самоцензуре, чтобы ненароком не обидеть СССР. Другие демократии посчитали эти действия позорными. Но для Финляндии это было именно проявление гибкости мышления: она согласилась пожертвовать «священными» демократическими принципами в той мере, какая требовалась для сохранения политической независимости, «святейшего», если угодно, среди всех принципов. Прочитав биографию Маннергейма: финны преуспели в выборе «наименее ужасного из нескольких очень скверных вариантов».

История Финляндии показывает, как важно верить в базовые ценности, не подлежащие обсуждению (фактор № 11): речь о независимости и свободе от оккупации. Финны были готовы сражаться за эти ценности, хотя и рисковали массовой гибелью населения. К счастью для них, они выжили и сохранили независимость. Увы, универсального правильного ответа здесь нет и, наверное, быть не может. Поляки в 1939 году, югославы в 1941-м, венгры в 1956 году тоже отвергли, соответственно, немецкие (дважды) и советские требования и пытались отстоять независимость, но исход оказался не слишком удачным: все три страны подверглись оккупации и страдали под жестоким игом. Наоборот, Чехословакия в 1938 году, Эстония, Латвия и Литва в 1939-м и Япония в августе 1945 года приняли, соответственно, немецкий, советский и американский ультиматумы, посчитав текущую ситуацию безнадежной для себя в военном отношении. В ретроспективе можно предполагать, что положение Чехословакии и Эстонии не выглядело совсем безнадежным, но что было, то было.

Тем фактором, который первоначально мешал Финляндии, а затем способствовал преодолению кризиса, являлось отсутствие общенационального признания кризиса, постепенно переросшее в консенсус (фактор № 1). На протяжении 1930-х годов Финляндия в значительной степени игнорировала признаки надвигающегося кризиса в отношениях с СССР, а в 1939 году посчитала, что сталинский ультиматум отчасти представляет собой блеф. Но с 1944 года все сходились во мнении («линия Паасикиви – Кекконена»), что финскому правительству следует как можно чаще общаться с советскими политическими лидерами и научиться воспринимать мир с советской точки зрения.

К числу факторов, благоприятствующих урегулированию кризисов, но недоступных Финляндии, вследствие чего ей приходилось как-то компенсировать этот дефицит, относятся: поддержка со стороны союзников (фактор № 4), образцы для подражания (фактор № 5) и свобода от геополитических ограничений (фактор № 12). Ни одна из стран, обсуждаемых в этой книге, не пострадала от бездействия союзников сильнее, чем Финляндия: все ее традиционные и потенциальные друзья отказались предоставить ей существенную помощь, на которую она рассчитывала в Зимней войне. (Да, Швеция направила группу из 8000 добровольцев и приняла у себя финских детей-беженцев, а Германия вмешалась, скажем так, оказав существенную военную и экономическую поддержку в годы войны-продолжения.) Финляндия не имела перед собой образца слабой страны, которая сумела противостоять советским или нацистским требованиям: почти все прочие европейские страны либо приняли эти требования и лишились независимости (как Прибалтика), либо отказались и были разгромлены (как Польша и Югославия), либо обладали убедительной военной мощью (единственный пример – Великобритания), либо сохранили независимость благодаря уступкам, куда менее значительным, нежели требования СССР (Швейцария и Швеция в отношениях с нацистской Германией). При этом никакая другая страна не в состоянии воспользоваться образцом Финляндии в проведении политики балансирования на канате («Финляндизация не для экспорта»). Свобода выбора Финляндии была сильно ограничена геополитическим условием – протяженной сухопутной границей с

могучим восточным соседом; только после Второй мировой войны разделенная Германия оказалась в схожем положении, когда более могущественные страны ограничивают твою свободу действий.

Среди факторов, относящихся к общенациональным кризисам и нехарактерных для кризисов индивидуальных, два заслуживают отдельного обсуждения применительно к Финляндии: роль лидеров и примирение после конфликта. Финляндии действительно повезло иметь квалифицированное военное и политическое руководство в годы Второй мировой войны и позже. Генерал Маннергейм, опытный военачальник, мастерски распределял скудные ресурсы, верно оценивал опасность советской угрозы на разных фронтах, сохранял хладнокровие и мыслил ясно в самых напряженных ситуациях и пользовался доверием солдат и офицеров. Премьер-министр Финляндии, а затем президент Юхо Паасикиви и его преемник Урхо Кекконен свободно говорили по-русски, умело вели переговоры со Сталиным с позиции слабости, сумели завоевать и сохранить доверие Сталина, несмотря на его паранойю, и убедить СССР, что независимая Финляндия будет полезнее оккупированной. (Вообразите себя на месте Паасикиви в сентябре 1944 года, когда он вылетел в Москву, чтобы встретиться со Сталиным на мирных переговорах об окончании войны-продолжения. Ведь ему уже доводилось бывать в Москве на мирных переговорах в марте 1940 года, а затем Финляндия нарушила условия этого соглашения, встала на сторону Германии и вернула себе Карелию летом 1941 года. Что бы вы сказали Сталину в 1944 году? «Знаете, вы можете мне поверить на этот раз?») Но влияние Маннергейма, Паасикиви и Кекконена не следует преувеличивать, ибо их цели и стратегии были схожи с целями и стратегиями прочих ведущих финских генералов и политиков; просто эти трое выказали исключительные навыки в своем деле.

Другим фактором, важным для общенациональных кризисов, является примирение после жестокого внутреннего конфликта или гражданской войны. В Финляндии после гражданской войны 1918 года все произошло намного быстрее и полнее, чем в Чили после военной диктатуры Пиночета (см. главу 4), а вот индонезийцы до сих пор не могут обрести общенациональное согласие после спровоцированного армией геноцида 1965 года (см. главу 5). Отчасти объяснение заключается в национальной специфике, конкретно в том, до какой степени армия сохраняет свое влияние и продолжает угрожать бывшим противникам. В Индонезии армия осталась у власти после 1965 года, да и в Чили она олицетворяла собой угрозу даже после ухода Пиночета с поста президента, но финская армия стала играть менее заметную роль после гражданской войны. Отчасти же объяснение кроется в финском ощущении своей уникальности, разделяемом всеми финнами, равно победителями и побежденными: они привержены равенству, единственные на свете говорят на финском языке как на родном, читают «Калевалу» и являются соотечественниками Яна Сибелиуса и Пааво Нурми.

Финляндия выступает первым из двух примеров страны, очутившейся в кризисе вследствие внезапного внешнего шока. В следующей главе, посвященной Японии, мы обсудим другую страну с сильной национальной идентичностью и особым языком, гораздо более отличную от Европы, чем Финляндия, еще более решительно осуществлявшую выборочные изменения и проявлявшую схожий реализм в оценках, но в иной геополитической ситуации, которая позволила Японии реализовывать свою долгосрочную стратегию более уверенно, чем получилось у Финляндии.

Глава 3. Происхождение современной Японии

Мои японские контакты. – Япония до 1853 года. – Комодор Перри. – С 1853 по 1868 год. – Эпоха Мэйдзи. – Реформы Мэйдзи. – «Вестернизация». – Заморская экспансия. – Кризисные рамки. – Вопросы

В отличие от других стран, обсуждаемых в настоящей книге, я не говорю на основном языке Японии, не жил в этой стране в течение длительного времени – и побывал там впервые всего два десятилетия назад. Впрочем, у меня оказалось достаточно возможностей узнать обо всем опосредованно – и о выборочных изменениях в Японии, и о присущем этой стране сегодня сочетании европейских и азиатских традиций. Когда я переехал в Калифорнию с Восточного побережья США, из Бостона, где родился и вырос, я попал в ту часть Америки, где гораздо больше азиатского населения, и многие из этих людей были японцами или американцами японского происхождения. В настоящее время представители Азии образуют большинство в студенческом сообществе моего университета (Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе), превосходя в численности студентов европейского происхождения. У меня много японских друзей и коллег, в том числе замечательный научный сотрудник-японец, который отлично знает США и Европу, поскольку долгое время жил там и там, и многие из этих друзей и коллег состоят в смешанных браках. Также у меня много американских друзей и коллег, которые очень хорошо знают Японию и прожили там долгое время, а кое-кто даже женился на местной жительнице или вышел замуж за местного. Я сам, к слову, приобрел японских кузенов и племянниц, когда женился на женщине из семьи с двумя японскими «ветками».

В результате мне постоянно приходится слышать о различиях между Японией и США или Европой – от японцев, американцев и европейцев, обладающих многолетним опытом проживания в Японии, США и / или Европе. Все мои японские родственники, студенты, друзья и коллеги упоминают о существенных отличиях (наряду с немалыми сходствами) между японским и американским / европейским обществами. Перечислю навскидку, не пытаясь ранжировать, некоторые из этих различий: извинения (или отсутствие таковых), трудность изучения языка и письменности, умение стойко переносить испытания, стремление налаживать тесные контакты с перспективными бизнес-клиентами, крайняя вежливость, отторжение по отношению к иностранцам, откровенный сексизм, близкие контакты врача и пациента, восхищение красивым почерком, умаление индивидуализма, отношения с родителями супруга / супруги, положение женщин в обществе, привычка прямо говорить о своих чувствах, отсутствие эгоизма, способы проявлять несогласие – и многое, многое другое.

Все эти отличия можно считать наследием традиционной Японии, сохранившимся вопреки западному влиянию на современную Японию. Традиции начали объединяться с кризиса, разразившегося 8 июля 1853 года, и темпы слияния ускорились после возрождения Мэйдзи 1868 года (о котором см. подробнее ниже), когда Япония приступила к реализации программы выборочных изменений, что охватила полстолетия. Япония эпохи Мэйдзи была, пожалуй, выдающимся примером внедрения выборочных изменений в национальном масштабе, причем она использовала другие государства в качестве образцов для подражания. Как и кризис в Финляндии, о котором мы говорили в предыдущей главе, в Японии все началось с внезапной иностранной угрозы (но без фактического нападения). Подобно Финляндии, Япония продемонстрировала поразительно честную самооценку и выказала удивительное терпение, экспериментируя с различными вариантами, пока не отыскала приемлемые для себя. Но, в отличие от Финляндии, Япония совершила куда более масштабные выборочные изменения и располагала большей свободой действий. Поэтому Япония эпохи Мэйдзи кажется подходящим примером для нашего исследования, особенно в паре с Финляндией.

* * *

Япония первой среди современных неевропейских стран попыталась сравняться с европейскими государствами и заморскими «неевропейскими» обществами (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) по уровню жизни, индустриализации и развитию технологий. Сегодняшняя Япония схожа с Европой и «неевропейским» миром не только экономически и технологически, но и во многих политических и социальных аспектах, будь то парламентская демократия, высокая грамотность населения, западный стиль одежды и западная музыка (наряду с традиционной японской). Но в других отношениях, прежде всего социальных и культурных, Япония до сих пор радикально отличается от всех европейских обществ, гораздо сильнее, чем любое европейское общество отличается от прочих европейских обществ. В этом нет ничего удивительного. Неевропейские признаки, впрочем, вполне ожидаемы, поскольку Япония находится в 8000 милях от Европы и ощущала на протяжении своей истории немалое влияние соседей с материковой Азии (в особенности Китая и Кореи).

До 1542 года Япония вовсе не знала европейского влияния. Затем наступил короткий период взаимодействия, порожденный заморским расширением Европы, но все-таки взаимодействие было ограничено изрядным расстоянием; этот период длился с 1542 по 1639 год, а далее влияние Европы неуклонно снижалось вплоть до 1853 года. Большинство «европейских» аспектов современного японского общества возникло уже после 1853 года. Конечно, они не смогли полностью вытеснить традиционную Японию, наследие которой весьма велико. В этом Япония схожа с уцелевшими в пожаре в «Коконат-гроув» и с Великобританией после Второй мировой войны: она стала мозаикой старого и нового – причем заметнее, чем все остальные шесть обществ, о которых рассказывается в настоящей книге.

До реставрации Мэйдзи фактическим правителем Японии являлся наследственный военный диктатор, носивший титул сёгуна, а император правил номинально, не обладая реальной властью. С 1639 по 1853 год сёгуны всячески ограничивали контакты японцев с иностранцами, тем самым как бы сохраняя верность длительной японской традиции самоизоляции, возникшей вследствие островной географии. Эта история может показаться удивительной, если посмотреть на карту мира и сопоставить положение Японии с положением Британских островов.

На первый взгляд эти два архипелага выглядят географическими эквивалентами друг друга. Они расположены, соответственно, у восточного и западного побережий Евразии. (Просто взгляните на карту, чтобы убедиться.) Япония и Британия, если не придирается к точным цифрам, схожи по площади и лежат рядом с материком, так что мы, казалось бы, вправе ожидать аналогичных историй взаимодействия с континентом. Но на самом деле с Рождества Христова Британские острова четырежды успешно завоевывались континентальными силами – а Япония никогда. С другой стороны, британцы воевали на континенте в каждом столетии после норманнского завоевания 1066 года, тогда как материковая Азия не видела японских войск до конца XIX столетия, не считая двух коротких периодов⁴². Уже в бронзовом веке, более 3000 лет назад, Британские острова активно торговали с материковой Европой; шахты в Корнуолле были основным источником олова для европейской бронзы. Всего пару столетий назад Великобритания являлась ведущей торговой державой мира, а японская внешняя торговля оставалась, по сути, ничтожной. Почему же столь явные различия так откровенно опровергают наши ожидания?

Объяснение этих противоречий подразумевает в том числе географические факторы. Пускай Япония и Британия видятся похожими по площади и изолированности от континента,

⁴² Имеются в виду неудачные экспедиции в Корею в ходе так называемой Имдинской войны (1592–1598).

Япония на самом деле лежит в пять раз дальше от материка (110 миль против 22 миль у британцев), занимает на 50 % больше площади, и почвы там гораздо плодороднее. Потому население Японских островов сегодня более чем в два раза превосходит британское, и в Японии выше объемы производства сельскохозяйственных продуктов питания, древесины и морепродуктов. Пока развитие современной промышленности не потребовало импорта нефти и металлов, Япония оставалась в значительной степени самодостаточной, обеспечивала себя необходимыми ресурсами и мало нуждалась во внешней торговле – в отличие от Британии. Таковы географические основания для самоизоляции, свойственной большей части японской истории, а после 1639 года им стали уделять повышенное внимание.

Европейцы впервые достигли Китая и Японии морским путем – в 1514-м и в 1542 году соответственно. Япония, которая уже немного торговала с Китаем и Кореей, начала устанавливать торговые контакты с представителями четырех европейских стран: португальцами, испанцами, голландцами и англичанами. Причем прямого товарооборота между Японией и Европой не велось, торговля происходила в факториях на китайском побережье и в других странах Юго-Восточной Азии. Европейское влияние, тем не менее, распространилось на многие сферы японского общества, от оружия до религии. Когда первые португальские путешественники добрались до Японии в 1542 году и принялись палить в уток из своих примитивных ружей⁴³, японцы настолько поразились увиденному, что стали спешно разрабатывать собственное огнестрельное оружие; в результате к 1600 году в Японии было оружия больше, причем лучшего качества, нежели в любой другой стране мира. Первые христианские миссионеры прибыли на острова в 1549 году, а к 1600 году в Японии насчитывалось 300 000 христиан.

Но у сёгунов имелись причины опасаться европейского влияния в целом и влияния христианства в частности. Европейцев обвиняли во вмешательстве в японскую политику и в поставках оружия японским мятежникам, бунтовавшим против правительства. Католики проповедовали нетерпимость к другим религиям, не подчинялись распоряжениям японского правительства и считались послушными и лояльными чужестранному господину (папе римскому). Потому, распяв тысячи японских христиан с 1636 по 1639 год, очередной сёгун разорвал большинство связей между Японией и Европой. Христианство оказалось под запретом. Большинство японцев отныне возбранялось путешествовать или жить за границей. Японские рыбаки, которым случилось встретиться в море с европейскими или американскими кораблями и которые сумели вернуться в Японию, нередко попадали под домашний арест, им запрещали рассказывать о своих впечатлениях от этих встреч. Высадка иностранцев на японские берега не допускалась, послабление было сделано лишь для китайских торговцев (которым выделили район портового города Нагасаки) и голландцев, которых фактически заперли на острове Десима в гавани Нагасаки. (Поскольку голландцы исповедовали протестантизм, их в Японии не признавали христианами.) Раз в четыре года этих голландских торговцев обязывали выплачивать дань в японской столице, они отправлялись туда по предписанному маршруту и под бдительным надзором, точно опасные микробы в запечатанном контейнере. Некоторые японские области, впрочем, продолжали торговать с Кореей, Китаем и островами Рюкю (это архипелаг в нескольких сотнях миль к югу от Японии, здесь расположена Окинава⁴⁴). Периодические торговые «нашествия» из Кореи для японской публики маскировались под принесение дани корейскими «вассалами». Но в общем контакты с внешним миром оставались ограниченными.

Скромная торговля между Голландией и Японией не приносила прибыли с экономической точки зрения. Зато было принципиально важно то, что голландские торговцы являлись для японцев важнейшим источником сведений о Европе. Среди учебных дисциплин в япон-

⁴³ Речь о мушкетах, которыми были вооружены португалцы.

⁴⁴ Автор особо подчеркивает данный факт, поскольку битва за Окинаву (апрель-июнь 1945 г.), в ходе которой погибло свыше 95 000 японских и свыше 12 000 американских военнослужащих, является одним из «знаковых» событий в истории США.

ских частных школах были и так называемые «голландские исследования». На занятиях излагались сведения, почерпнутые от голландцев, по практическим и научным вопросам, прежде всего в области западной медицины, астрономии, картографии, геодезии, оружия и взрывчатых веществ. В составе японского правительства появился астрономический отдел, которому поручили перевод голландских книг по этим предметам на японский язык. Также много информации о внешнем мире (включая Европу) поступало из Китая, из китайских книг и европейских сочинений, переведенных на китайский язык.

Если коротко, до 1853 года контакты Японии с иностранцами были ограниченными и строго контролировались японским правительством.

* * *

Япония 1853 года сильно отличалась от сегодняшней Японии, и даже от самой себя в 1900 году. Отчасти подобно средневековой Европе, Япония 1853 года все еще была феодальным иерархическим обществом, разделенным на домены, которыми управляли местные лорды – дайме, чьи полномочия превосходили полномочия средневекового европейского феодала. На вершине власти стоял сёгун (см. источник 3.1) из династии Токугава, которая правила Японией с 1603 года и контролировала четверть рисовых полей страны. Дайме требовалось разрешение сёгуна на женитьбу, на переселение, на возведение или ремонт замка. Еще их обязывали, в урочные годы, привозить свою свиту и селиться в столице сёгуна, не считаясь с расходами. Разумеется, это приводило к росту напряженности в отношениях между сёгуном и дайме, а прочие проблемы Японии при Токугава возникали вследствие растущего разрыва между расходами и доходами, все более частых восстаний, урбанизации и увеличения численности торгового сословия. Но сёгуны Токугава справлялись с этими вызовами и оставались у власти 250 лет, причем в истории островов не было такого момента, когда бы их положение оказывалось под угрозой. Потрясение, которое привело к их свержению, было внешним и пришло с запада.

Истоком для западного давления на Японию послужило западное давление на Китай, где производилось намного больше товаров, желанных для Запада, чем в Японии. Европейские потребители особенно жаждали чая и шелка, но Запад мало что мог предложить взамен, и европейцам приходилось компенсировать этот торговый дефицит поставками в Китай серебра. Чтобы предотвратить собственное «обескровливание», британские торговцы придумали блестящий план: доставлять в Китай дешевый опиум из Индии и продавать его по ценам ниже внутрикитайских. (Нет, эта британская политика вовсе не является выдумкой клеветников-антизападников; так все и было в действительности, и об этом следует помнить, желая понять восприятие Запада современным Китаем.) Китайское правительство отреагировало ожидаемо, признав опиум опасным для здоровья, запретив его ввоз и потребовав от европейских контрабандистов сдать весь товар из трюмов кораблей, что стояли на якоре у берегов Китая. Великобритания заявила, что эта реакция является незаконным ограничением свободы торговли.

В итоге вспыхнула Опиумная война 1839–1842 годов между Великобританией и Китаем, первое серьезное боестолкновение китайских и западных вооруженных сил в истории. Хотя Китай был намного больше по площади и превосходил противника по численности населения, выяснилось, что британские флот и армия намного лучше оснащены и обучены. Как следствие, Китай потерпел поражение и был вынужден пойти на унизительные уступки, заплатить изрядную сумму победителям и подписать договор, открывавший пять китайских портов для британских торговцев. Затем вмешались Франция и США, добившиеся для себя аналогичных условий.

Узнав о событиях в Китае, японское правительство сочло, что в очень скором времени какая-либо западная держава потребует заключения подобного договора на открытие портов

Японии. Так и случилось в 1853 году, а в роли западной державы выступили США. Причина, по которой именно США из всех западных держав стали первыми, кто начал принуждать Японию к сотрудничеству, заключалась в завоевании Калифорнии (у Мексики) в 1848 году; было обнаружено золото, что обернулось резким увеличением объемов судоходства вдоль тихоокеанского побережья. Число рейсов американских китобоев и торговых судов по Тихому океану также возросло. Время от времени некоторые американские корабли терпели крушение, и порой это случалось в водах поблизости от Японии; тех моряков, которым повезло добраться до берега, в Японии убивали или сажали в тюрьму, как предусматривалось изоляционистской политикой сёгунов Токугава. А США хотели, чтобы эти моряки могли рассчитывать на защиту и помощь (и хотели закупать уголь в Японии).

Поэтому президент США Миллард Филлмор направил в Японию commodora Перри с флотом из четырех кораблей, в том числе двух боевых паровых кораблей, безоговорочно превосходивших все японские военные корабли того времени. (Япония не знала ни пароходов, ни даже парового двигателя.) 8 июля 1853 года Перри без приглашения зашел в бухту Эдо (ныне известную как Токийский залив), проигнорировал требование удалиться, передал письмо президента Филлмора с фактическим ультиматумом и прибавил, что вернется за ответом в следующем году.

Для Японии прибытие Перри и неприкрытые угрозы commodora в точности соответствовали нашему определению «кризиса»: это был серьезный вызов, который не представлялось возможным разрешить привычными способами преодоления трудностей. После отбытия Перри сёгун распространил письмо Филлмора среди даймё и попросил совета, как лучше поступить; уже это нарушало принятые обычаи. Среди различных ответов преобладало желание сохранить самоизоляцию Японии, но все признавали, что это неосуществимо ввиду наличия у Перри паровых боевых кораблей, поэтому многие советовали выгадывать время, дабы Япония могла приобрести западные оружие и технологии, чтобы защитить себя. Это мнение в итоге и возобладавало.

Когда Перри вернулся 13 февраля 1854 года, на сей раз во главе эскадры из девяти военных кораблей, сёгун подписал первый в истории Японии договор с западной страной. Страна сумела отказаться от навязываемого торгового соглашения, но согласилась на ряд уступок, тем самым положив конец своей 215-летней политике изоляции. Два японских порта открыли для американских кораблей, в одном из этих портов появилось американское консульство, а также Япония обязалась гуманно относиться к потерпевшим кораблекрушение американским морякам. После подписания договора между Японией и США британцы, русские и голландцы, осваивавшие Дальний Восток, быстро заключили с японцами аналогичные соглашения.

* * *

Четырнадцатилетний период, который начался в 1854 году, когда правительство сёгуна подписало договор с Перри, покончив с самоизоляцией Японии, оказался весьма бурным на события периодом японской истории. Бакуфу⁴⁵ изо всех сил пыталось решить проблемы, вызванные принудительным открытием страны. В конце концов эти попытки провалились, поскольку открытие спровоцировало череду неудержимых изменений в японском обществе и в управлении страной. Эти изменения, в свою очередь, привели к свержению сёгуна внутренними конкурентами, а далее вызвали гораздо более глобальные перемены – уже при новом правительстве, которое возглавили эти конкуренты.

Договор Перри и соглашения с британцами, русскими и голландцами не полностью утолили стремление Запада открыть Японию для торговли. Потому в 1858 году новый американ-

⁴⁵ Правительство сёгуна.

ский консул в Японии договорился об условиях более широкого торгового договора, а вскоре были заключены аналогичные договоры с Великобританией, Францией, Россией и Нидерландами. Эти договоры в самой Японии воспринимались как унижительные, их называли «неравноправными», поскольку из них следовало, что Запад не считает Японию страной, заслуживающей достойного обращения и уважения, принятого среди западных держав. Например, договоры предусматривали экстерриториальность западных граждан в Японии, то есть освобождали европейцев от ответственности перед японским законодательством. Основной целью японской политики в следующие полвека стала отмена «неравноправных» договоров.

Военная слабость Японии в 1858 году отодвигала достижение этой цели на отдаленное будущее. Вместо того бакуфу поставило перед страной более скромную, но реальную цель – минимизировать вторжение представителей Запада, их идей и влияния. Это удалось сделать, притворяясь, будто Япония соблюдает условия навязанных ей договоров, хотя фактически страна их не исполняла, прикрываясь отсрочками, меняя условия в одностороннем порядке, используя в своих интересах невежество Запада в отношении многозначных японских топонимов и срамливая, уж простите, одни западные страны с другими. По договорам 1858 года Японии удалось ограничить торговлю с Западом всего двумя своими портами (так называемые «договорные порты»), причем пребывание иностранцев в этих портах было ограничено особыми зонами, за пределами которых им запрещалось появляться.

Основной стратегией бакуфу с 1854 года была стратегия выгадывания времени. Это означало, что нужно удовлетворять притязания западных держав (делая как можно меньше уступок), при этом активно перенимать западные знания, оборудование, технологии и навыки, военные и невоенные, дабы обрести возможность рано или поздно противостоять Западу. Бакуфу, а также могучие феодалы Сацума и Тесю⁴⁶, которые были номинально подвластны бакуфу, но пользовались значительной автономией, закупали западные корабли и оружие, модернизировали свои военные силы, отправляли японцев на учебу в Европу и США. Эти «студенты» изучали не только практические вопросы, например, навигацию, корабли, промышленность, машиностроение, науку и технику, но и западные законы, языки, конституции, экономику, политические науки и письменность. Бакуфу учредило институт по изучению варварских (то есть чужеземных) книг, оплачивало перевод западных книг и издание английских грамматик и карманных словарей.

Но пока бакуфу и крупные феодалы пытались наращивать силы, в Японии быстро накапливались проблемы, порожденные именно контактами с Западом. Бакуфу и прочие феодалы сильно задолжали иностранным кредиторам вследствие обильных расходов на закупку оружия и отправку японцев за границу. Потребительские цены и прожиточный минимум в стране выросли. Множество самураев (сословие воинов) и торговцев выражало недовольство стремлением бакуфу монополизировать внешнюю торговлю. Вспоминая, как сёгун просил совета у дайме после первого прибытия commodore Перри, некоторые дайме желали большего участия в политике и планировании, они не намеревались оставлять все это на усмотрение сёгуна, как было раньше. Да, именно сёгун договаривался и подписывал соглашения с западными державами, но он не имел возможности контролировать дайме, нарушавших эти договоры.

В результате образовалось сразу несколько пересекающихся «зон напряженности». Западные державы требовали от Японии максимального открытия страны: они хотели большего, а Япония всячески добивалась меньшего. Княжества наподобие Сацума и Тесю, тради-

⁴⁶ Эти два могучих соперничающих княжества – Сацума на южной оконечности самого южного японского острова Кюсю и Тесю на юго-западной оконечности главного японского острова Хонсю – сыграли важную роль во многих событиях относительно недавней японской истории. Оба княжества были покорены Токугава в 1600 г. В начале 1860-х г. они возглавили нападение на представителей Запада и западные корабли – и сполна подверглись западному возмездию. Оба княжества отрицали бывшее соперничество ради свержения последнего сёгуна в 1868 г., а затем, в 1870-х гг., наиболее яростно бунтовали против правительства эпохи Мэйдзи.

ционно враждовавшие с бакуфу, теперь намеренно усугубляли конфликт, и каждая из сторон старалась использовать западное снаряжение и знания против другой. Обострялись и противоречия между княжествами. Более того, возникли распри между бакуфу и номинальным императором, от имени которого бакуфу якобы действовало. Так, императорский суд отказался утвердить договор 1858 года с США, но бакуфу все равно подписало этот документ.

Наиболее острый конфликт внутри Японии определялся японской стратегической дилеммой: пытаться ли сопротивляться и затевать войну против чужестранцев прямо сейчас – или дождаться, когда Япония станет сильнее. Подписание «неравноправных» договоров вызвало негативную реакцию: общество гневало на иностранцев, которые опозорили Японию, и на сёгуна и прочих феодалов, которые позволили обесчестить страну. Уже около 1859 года раздраженные, горячие и наивные молодые самураи с мечами начали задумываться об изгнании иностранцев с Японских островов посредством террористической кампании. Эти самураи сделались известными как «Исин Сиси», то есть «люди высокой цели». Взывая к тому, что, по их мнению, было традиционными японскими ценностями, они полагали, что морально превосходят старших политиков.

Следующее изложение принципов «Исин Сиси» от 1861 года отлично передает глубину их раздражения: «Наш император несказанно опечален тем, что наша великолепная, осененная благостью божественного дара страна опозорена варварами, что дух Японии, который ярко пылал с древнейших времен, ныне почти угас... Говорят, что когда унижают твоего господина, слуги должны выбрать смерть. Разве не должны ли мы последовать этому правилу в нынешних обстоятельствах, когда императорской власти грозит несмываемый позор?.. Мы клянемся нашими божествами, что, если императорский стяг взметнется вновь, пройдем через огонь и воду, дабы облегчить мучения императора, дабы исполнить волю нашего бывшего правителя и избавить наш народ от этого зла. Если кто-либо в этом случае посмеет озаботиться личными соображениями, его ждет кара разгневанных богов, и пред лицом товарищей он должен будет совершить харакири».

Терроризм «Исин Сиси» был направлен против иностранцев, но даже чаще страдали японцы, которые сотрудничали или сговаривались с иностранцами. В 1860 году террористам удалось обезглавить регента Ии Наосукэ⁴⁷, который ратовал за подписание договоров с западными державами. Нападения на иностранцев вылились в события 1862–1863 годов в княжествах Сацума и Тесю. 14 сентября 1882 года 28-летний английский торговец Чарльз Ричардсон был атакован на дороге мечниками Сацума и истек кровью: он якобы не проявил должного уважения к процессии, в составе которой находился отец дайме Сацума. Великобритания потребовала компенсации и казни преступников, причем не только от Сацума, но и от бакуфу. После почти года безуспешных переговоров с княжеством Сацума британские военные корабли подвергли бомбардировке и уничтожили большую часть Кагосимы, столицы Сацума; погибло, как считается, до 1500 японских воинов. Другой инцидент произошел в конце июня 1863 года, когда береговые орудия княжества Тесю обстреляли западные корабли и не пустили те в пролив Симоносеки, важнейший морской проход между главными японскими островами Хонсю и Кюсю. Год спустя эскадра из 17 британских, французских, американских и голландских военных кораблей подвергла бомбардировке и уничтожила эти береговые батареи, а остальные орудия из Тесю вывезли.

Эти два западных удара убедили даже горячие головы в Сацума и Тесю в необходимости мириться с западным присутствием и тщетности попыток изгнать чужестранцев с островов в текущем слабом состоянии Японии. Все согласились ждать, пока Япония не добьется военного

---

⁴⁷ Старейшина сёгуната Токугава, без согласия императора подписал несколько неравноправных договоров с западными государствами.

паритета с Западом. По иронии судьбы, это была та самая политика, которой ранее следовало бакуфу – и по которой его свергли.

Впрочем, отдельные княжества, в особенности Сацума и Тесю, заявляли вслух, что сёгун не способен укрепить Японию до такой степени, когда страна сможет противостоять Западу. Дайме пришли к выводу, что они согласны с бакуфу в необходимости перенимать западные технологии, но для достижения конечной цели требуется реорганизация японского правительства и общества в целом. Поэтому они стремились постепенно ослаблять сёгунат. Раньше Сацума и Тесю были соперниками, с подозрением относились друг к другу и сражались друг против друга. Но стоило им признать, что усилия сёгуна нарастить военную мощь угрожают обоим княжествам, как все разногласия были забыты.

После смерти прежнего сёгуна в 1866 году новый сёгун приступил к реализации программы экстренной модернизации и реформ, которая предусматривала в том числе импорт военного снаряжения и приглашение военных советников из Франции. Это сулило дополнительную угрозу для Сацума и Тесю. Когда старый император скончался в 1867 году, ему наследовал на троне 15-летний сын (см. источник 3.2). Лидеры Сацума и Тесю сговорились с дедом нового императора и благодаря этому заручились поддержкой императорского двора. 3 января 1868 года заговорщики захватили ворота Императорского дворца в городе Киото, собрали совет, лишивший сёгуна его земель и власти, и тем самым покончили с сёгунатом. Совет провозгласил мнимое «восстановление» ответственности императора за Японию, хотя на самом деле эту ответственность двести лет несли сёгуны. Так, собственно, и состоялась реставрация Мэйдзи, которая ознаменовала начало нового исторического периода – эпохи Мэйдзи, срока правления нового императора.

* * *

После этого переворота, обеспечившего контроль над Киото, новым лидерам Японии предстояло установить власть над всей страной. Да, сёгун признал свое поражение, но многие другие феодалы сопротивлялись. Началась гражданская война между теми, кто поддерживал, и теми, кто не одобрял новое императорское правительство. Только когда последний оплот оппозиции на главном северном острове Японии Хоккайдо пал в июне 1869 года, западные державы согласились считать новое правительство законным правительством страны. И только после этого лидеры Мэйдзи смогли приступить к осуществлению реформ.

В начале эпохи Мэйдзи многое в Японии требовало перемен. Одним хотелось установить фактически самодержавную власть императора, другие мечтали о номинальном императоре, который будет управлять через группу «советников» (это решение в конечном итоге победило), третьим Япония вообще виделась республикой, отринувшей императора. Некоторые японцы, научившиеся ценить западные алфавиты, предложили заменить красивую, но сложную японскую письменность, которая представляла собой заимствованные у китайцев символы и два способа их начертания. Кто-то требовал немедленно начать войну против Кореи, кто-то предлагал подождать. Самураи желали сохранить свои частные «ополчения», а прочие японцы выступали за разоружение самураев и ликвидацию этого сословия.

Эта неразбериха противоречивых предложений в конце концов побудила лидеров Мэйдзи склониться в пользу трех базовых принципов. Во-первых, пускай среди этих лидеров присутствовали горячие головы, желавшие незамедлительно изгнать иностранцев из страны, было принято решение выждать. Лидерам Мэйдзи, как и сёгуну до них, было понятно, что Япония в настоящее время неспособна противостоять Западу. До того, как такая возможность появится, Японии следует усилиться, перенять у Запада источники его могущества, причем не просто купить оружие, но провести далеко идущие политические и социальные реформы, которые стоят за Западом.

Во-вторых, конечной целью признали необходимость пересмотреть «неравноправные» договоры, навязанные Японии Западом. Но для этого требовалось сделать Японию сильной и заставить Запад воспринимать ее как равного себе, как государство западного образца, с конституцией и законами в западном стиле. Скажем, министр иностранных дел Великобритании лорд Гранвиль прямо заявил японским представителям, что его страна признает японскую «юрисдикцию над британскими подданными [резидентами Японии] только по мере приобщения [Японии] к просвещению и цивилизованности», – причем судить будут англичане и по собственным меркам. Если коротко, понадобилось 26 лет от переворота до того дня, когда Япония все же вынудила Запад пересмотреть «неравноправные» договоры.

Третьим базовым принципом лидеров Мэйдзи стали поиски и внедрение во всех сферах жизни иностранных образцов, наилучшим образом соответствующих японским условиям и ценностям. Япония не стеснялась заимствовать, отдавая предпочтение британским, немецким, французским и американским моделям. Разные страны воспринимались как образцы в разных сферах: например, новые японские флот и армия моделировались, соответственно, по образцу британского флота и немецкой армии. При этом в конкретных сферах Япония часто пыталась совместить различные зарубежные модели: так, при создании японского гражданского кодекса министерство юстиции пригласило французского ученого составить первый проект, а затем обратилось к немецкой модели для переработки черновика.

Займствования у Запада в эпоху Мэйдзи были массовыми, сознательными и целенаправленными. Некоторые займствования подразумевали приглашение представителей Запада на Японские острова: например, приглашали школьных учителей, чтобы те преподавали или консультировали, а двух немецких ученых привлекли к составлению японской конституции, которая в значительной степени опиралась на конституцию Германии. Но большая часть займствований осуществлялась через путешествия японцев по Европе и США. Важным шагом, предпринятым всего через два года после утверждения власти правительства Мэйдзи, была миссия Ивакуры 1871–1873 годов (см. источник 3.3). В составе этой миссии было 50 правительственных чиновников, которые объездили США и дюжину европейских стран, посещали фабрики и кабинеты, встретились с президентом США Грантом и лидерами правительств Европы; по возвращении был опубликован пятитомный отчет, раскрывший перед японцами подробности широкого диапазона западных практик. Сама миссия формулировала свою цель как «выбор из разнообразия учреждений, преобладающие среди просвещенных государств, тех, что лучше всего подходят для нашего нынешнего состояния». Когда в 1870 году началась франко-прусская война, японцы даже направили в Европу двух наблюдателей с весьма прозаическим поручением: наблюдать воочию, как сражаются европейцы.

Побочным следствием этих зарубежных поездок оказалось превращение японцев с зарубежным опытом в лидеров своей страны, занимавших важные посты в правительстве и в частном секторе. К примеру, если говорить о двух наиболее значимых персонах, достигших власти в правительстве Мэйдзи в 1880-х годах, Ито Хиробуми (руководивший составлением новой конституции) совершил несколько длительных поездок по Европе, а Ямагата Аритомо (будущий премьер-министр) изучал военную науку в Германии. Годаи Тимоацу использовал свой европейский опыт, чтобы встать во главе торговой палаты Осаки, заняться строительством железных дорог и горнодобычи, а Сибусава Эричи (финансовый контролер японской миссии 1867 года в Париже) развивал японский банковский сектор и текстильную промышленность.

Чтобы сделать эти обильные займствования у Запада приемлемыми для японских традиционалистов, инновации и займствования эпохи Мэйдзи часто выдавались не за новинки, а за возвращение к «забытым» традиционным практикам. Например, когда император в 1889 году лично обнародовал первую конституцию Японии, основанную на конституции Германии, в своем выступлении он сослался на «восстановление линейной преемственности, нерушимой веками» и на «право суверенитета государства, [которое] мы унаследовали от наших предков».

Точно так же новые ритуалы, вводившиеся для императорского двора в эпоху Мэйдзи, объявлялись «исконными» придворными ритуалами.

Это переосмысление инноваций как якобы восстановленных традиций – вообще «изобретение традиций» широко практиковалось новаторами в других странах, не только в Японии – способствовало успеху в проведении радикальных реформ. Но не подлежит сомнению, что лидеры эпохи Мэйдзи оказались в опасной ситуации, когда пришли к власти в январе 1868 года. Японии угрожало нападение иностранных держав, назревала гражданская война между противниками бакуфу и его сторонниками, существовала вероятность распрей между княжествами и мятежей со стороны тех групп и сословий, что рисковали потерять прежний статус и прежнюю власть. Отмена привилегий для самураев спровоцировала несколько восстаний, наиболее серьезным из которых оказалось восстание в Сацума 1877 года⁴⁸. Вооруженные крестьянские бунты периодически вспыхивали на протяжении 1870-х годов. Но в целом сопротивление реформам было все-таки менее яростным, чем казалось поначалу. Реформаторы сполна продемонстрировали умение находить компромиссы с фактическими и потенциальными противниками, подкупать их или переманивать в свой лагерь. Так, Энмото Такеаки, адмирал флота, который удерживал Хоккайдо и не пускал туда правительственные силы до 1869 года, в конечном счете стал министром кабинета Мэйдзи и посланником.

* * *

Давайте теперь рассмотрим, какие именно выборочные изменения удалось действительно осуществить в эпоху Мэйдзи. Эти изменения затронули большинство сфер общественной жизни страны: искусство, одежду, внутреннюю политику, экономику, образование, роль императора, феодализм, внешнюю политику, управление, прически, идеологию, право, вооруженные силы, общество и технологии. Самые неотложные перемены, реализованные, хотя бы в первом приближении, в первые несколько лет эпохи Мэйдзи, были призваны создать современную национальную армию, искоренить феодализм, учредить национальную систему образования и обеспечить доходы государства за счет налоговой реформы. Далее внимания реформаторов удостоились законы, разработка конституции, заморская экспансия и отмена «неравноправных» договоров. Параллельно с оперативным решением наиболее срочных вопросов лидеры Мэйдзи также начали заниматься проработкой идеологии, которая обеспечила бы правительству поддержку населения Японии.

Военная реформа началась с закупки современного западного вооружения, привлечения французских и немецких офицеров в качестве инструкторов и (позже) с экспериментов с французской и британской моделями для строительства современного флота. Результат доказал мастерство лидеров Мэйдзи в выборе наилучшего зарубежного образца: не отдавая предпочтения какой-либо одной иностранной модели для всех видов вооруженных сил, Япония принялась модернизировать свою армию с оглядкой на Германию, а вот свой флот как бы скопировала с военно-морского флота Великобритании (поскольку в конце XIX столетия Германия имела сильнейшую в Европе армию, а Великобритания располагала сильнейшим флотом). Всего один пример: Япония захотела научиться строить быстроходные тяжелые корабли, то есть линейные крейсера, и, раз уж этот тип кораблей изобрели в Великобритании, наняла британскую верфь для проектирования и постройки первого японского линейного крейсера – а затем использовала тот как образец для постройки еще трех крейсеров на трех разных японских верфях.

⁴⁸ Численность мятежных самураев превышала 30 000 человек, из них около 6000 погибли в боях, а 2700 мятежников были казнены.

Государственный закон о воинской обязанности, принятый в 1873 году и основанный на европейских моделях, предусматривал армию, в которой полагалось служить три года. Ранее каждый феодал и каждое княжество собирали собственные ополчения из самураев-мечников, бесполезных в современных войнах, но до сих пор остававшихся угрозой для правительства страны (см. источник 3.4). Потому-то самураям сначала запретили носить мечи и соблюдать предписанные правилами ритуалы, затем отменили «наследственные» профессии (в том числе профессию самурая), затем бывшим самураям стали выплачивать государственные стипендии, а затем эти стипендии превратили в доходные государственные облигации.

Еще одним неотложным делом была необходимость покончить с феодализмом. Чтобы Япония стала сильной, требовалось создать централизованное государство западного образца. Это представлялось довольно проблематичным, поскольку с января 1868 года единственными реальными полномочиями нового императорского правительства были те, которые уступил низложенный сёгун; прочие полномочия по-прежнему принадлежали дайме (феодалы). Поэтому в марте 1868 года четырех дайме, в том числе владетелей Сацума и Тесю, которые фактически спровоцировали реставрацию Мэйдзи, убедили передать свои земли и людей императору – по весьма двусмысленно сформулированному документу. Когда император принял это предложение в июле того же года, остальные дайме согласились последовать примеру своих товарищей и были назначены «губернаторами» бывших феодальных владений. Наконец в августе 1871 года дайме были поставлены перед фактом: отныне их владения (и полномочия) отменяются, вместо княжеств появятся управляемые из центра префектуры. Но дайме разрешили сохранить 10 % от былых доходов с владений – и освободили от бремени всех расходов, которые они ранее несли. Так за три с половиной года удалось демонтировать феодализм, процветавший в Японии столетиями.

Император остался императором: на его статус никто не покушался. Однако он больше не укрывался в Императорском дворце Киото: его перевезли в фактическую столицу Эдо, переименованную в Токио. За 45 лет правления император Мэйдзи⁴⁹ совершил 102 выезда за пределы Токио и поездок по Японии; сравните всего с тремя выездами всех императоров за 265 лет правления сёгунов Токугава (1603–1868)!

Образование подверглось кардинальным реформам с немалыми последствиями. Впервые в истории страны у Японии появилась общенациональная система образования. Обязательное начальное обучение ввели в 1872 году, пять лет спустя был основан первый японский университет; в 1881 году появились средние школы, а в 1886 году общее среднее образование тоже стало обязательным. Школьная система Японии на первых порах следовала чрезвычайно централизованной французской модели, но в 1879 году стала ориентироваться на американскую локальную модель, а с 1886 года – на немецкую модель. Итоговый результат этой реформы образования таков: Япония сегодня обладает самым высоким в мире процентом грамотных граждан (99 %), несмотря на свою весьма сложную и трудную для изучения письменность. Да, новая общенациональная система образования вдохновлялась западными образцами, но провозглашенные цели были сугубо японскими: сделать народ лояльными императору и патриотично настроенными гражданами и проникнуться чувством национального единства.

Более приземленная, но не менее важная цель реформы образования заключалась в подготовке к работе в правительстве и вообще в развитии человеческого капитала, чтобы страна получила возможность возвыситься и процветать. В 1880-х годах конкурс на работу в центральном правительстве подразумевал экзамен, в ходе которого проверялись уже «западные» знания, а не владение основами конфуцианской философии. Внедрение общенационального образования наряду с официальной отменой «наследственных» профессий способствовало

---

⁴⁹ Прижизненное имя – Муцухито, посмертное имя, под которым традиционно вспоминают умерших императоров, – Мэйдзи.

исчезновению традиционного классового разделения японского общества, поскольку теперь именно лучшее образование, а не право рождения становилось trampлином для попадания на высокие должности. Отчасти поэтому среди 14 крупных и богатых демократий Япония сегодня демонстрирует наиболее равное распределение богатства: в пропорции к численности населения тут меньше всего миллиардеров; а вот США занимают противоположные крайности по обоим показателям.

Последним из числа основных приоритетов правительства Мэйдзи была потребность в обеспечении доходов для финансирования государственной деятельности. Япония никогда не имела налоговой системы западного образца. Вместо этого каждый даймэ облагал налогами собственные земли, чтобы покрыть свои текущие расходы, а сёгун точно так же облагал налогом свои земли и вдобавок требовал дополнительные средства на конкретные цели от всех даймэ. Однако правительство Мэйдзи лишило даймэ прежних полномочий, назначило их «губернаторами» бывших владений, превращенных в префектуры, и постановило, что эти префектуры будут отныне управляться центральным правительством, а потому экс-даймэ не нужно (так утверждали реформаторы Мэйдзи) самостоятельно контролировать доходы и финансировать административную деятельность. Министерство финансов заявило, что стране требуется совокупный годовой доход сёгуна и всех даймэ, собиравшийся ранее. Эту цель реализовали на западный манер, введя общенациональный 3-процентный земельный налог. Японские крестьяне время от времени жаловались и устраивали беспорядки, поскольку им приходилось платить налог каждый год, независимо от размеров урожая. Но они наверняка сочли бы, что им повезло, если бы узнали о современных западных налоговых ставках. Например, в моем штате Калифорния мы платим налог штата на имущество в размере 1 %, подоходный налог штата до 12 % и общенациональный подоходный налог, который в настоящее время может достигать 44 % от дохода.

Менее срочные вопросы включали замену традиционной системы правосудия Японии правовой системой западного образца. Суды с назначением судей появились в 1871 году, Верховный суд был учрежден в 1875 году. Реформы уголовного, коммерческого и гражданского права следовали различным путям вестернизации на основании экспериментов с несколькими иностранными моделями. Уголовное право первоначально опиралось на французскую модель, но затем была принята немецкая; коммерческое право сразу использовало немецкую модель; а в гражданском праве постарались объединить французские, британские и японские установления, но в итоге все равно взяли за основу немецкий вариант. В каждом случае приходилось при поиске подходящих решений учитывать японские взгляды на жизнь. Кроме того, следовало перенять западные практики для достижения международной респектабельности, необходимой для пересмотра условий «неравноправных» договоров. Например, понадобилось отказаться от традиции пыток и широкого применения смертной казни, которую Запад более не считал респектабельной.

Модернизация инфраструктуры Японии началась еще на заре эпохи Мэйдзи. В 1872 году появилась национальная почтовая система, приступили к строительству первой в Японии железной дороги и первой телеграфной линии, а в 1873 году был учрежден национальный банк страны. Улицы Токио стали освещать газовые фонари. Правительство также вмешивалось в процесс индустриализации Японии, строя заводы по производству кирпича, цемента, стекла, оборудования и шелка – на западной технике и западными методами. После успешной (1894–1895) войны с Китаем государственные расходы на промышленность сосредоточились на военных и смежных отраслях (добыча угля, электричество, производство оружия, чугуна, стали, строительство железных дорог и верфей).

Реформа государственного управления была особенно важна с точки зрения обретения международной респектабельности – и доставила немало проблем. Кабинет министров учредили в 1885 году. Уже в 1881 году было объявлено, что в стране появится конституция

(частично вследствие общественного давления). Потребовалось восемь лет, чтобы разработать конституцию западного образца, гармонирующую с японскими ценностями. Решение проблемы нашлось в том, что в качестве образца взяли не конституцию США, а конституцию Германии, ибо повышенное внимание последней к роли императора соответствовало японским условиям. Конституция Японии утверждала, что император происходит от богов, а сама императорская линия уходит в глубину веков на тысячелетия. На церемонии в зале приемов Императорского дворца, 11 февраля, в день 2549-й годовщины основания империи, как гласила традиция, император лично воззвал к предкам и передал свиток с текстом конституции премьер-министру как императорский дар. На церемонии присутствовали представители дипломатического корпуса и иностранного сообщества, которые наглядно убедились в чудесном превращении страны: Япония сделалась цивилизованным государством с конституционным управлением, сопоставимым с другими конституционными государствами мира. Значит (тут как бы содержалась подсказка), о неравноправных договорах следует забыть.

Как и прочие сферы японской жизни, японская культура стала мозаикой новых западных и традиционных японских элементов. Западные одежды и прически преобладают в Японии сегодня и были моментально приняты японскими мужчинами (см. источники 3.5, 3.6). Например, на групповой фотографии пяти членов миссии Ивакура в 1872 году, всего через четыре года после реставрации Мэйдзи и всего через 19 лет после появления у японских берегов commodora Перри, четверо мужчин носят западные костюмы с галстуками и цилиндры, лишь один (сам Ивакура) все еще облачен в японский халат, а его волосы заплетены в традиционный пучок (см. источник 3.3). В искусстве, традиционные японские музыка, живопись, гравюра, театры Кабуки и Но сохранились, однако к ним добавились западные балльные танцы, военные оркестры, опера, западный театр, живопись и романы.

Любое государство рискует распасться, если его граждан не объединить некоторой всеохватной национальной идеологией. У каждого народа есть собственные идеалы и лозунги, выражающие эту задачу создания объединительной идеологии. Например, американские идеалы – это демократия, равенство, свобода, обилие возможностей, отсюда такие популярные выражения, как «из грязи в князи»⁵⁰

---

⁵⁰ Разумеется, это сугубо русская идиома, но она весьма удачно передает смысл английского выражения «from rags to riches» (букв. «из лохмотьев в богатые одежды»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.